

ДАРЬЯ УРБАНСКАЯ

ПОЛУКРЫЛЫЕ

Черные
Песни
Забвения

NoSugar. Магические школы

Дарья Урбанская

**Полукрылые. Черные
песни забвения**

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Урбанская Д.

Полукрылые. Черные песни забвения / Д. Урбанская —
«Издательство АСТ», 2023 — (NoSugar. Магические школы)

ISBN 978-5-17-157355-3

Кто сказал, что люди не летают, как птицы? Артем Титов узнает, что является одним из Полукрылых и наделен необычными способностями: превращаться в мифическую птицу и выпевать особые Песни, воздействующие на сознание. Совсем скоро проявится его вторая ипостась, и станет ясно, к какой ветви Полукрылых он принадлежит. Когда бесследно исчезает его мать, а друзья предают, Артему приходится познать свою сущность раньше положенного срока и выяснить, что скрывают старейшины Полукрылых. Но вспомнит ли он об этом после того, как ему споют черную Песнь Забвения? Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157355-3

© Урбанская Д., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Предисловие	6
Пролог	7
Часть 1. Уроки и тайны	10
Глава, в которой коты жужжат, а не мурлыкают	11
Глава, в которой звуки упорядочивают мысли	16
Глава, в которой психолог ошибается	19
Глава, в которой полно тыквенных семечек	24
Глава, в которой птенцы тренируются	29
Глава, в которой родственные отношения дают трещину	32
Глава, в которой тайна становится явной	36
Часть 2. Друзья и враги	40
Глава, в которой вопросов больше, чем ответов	41
Глава, в которой поезд мерно покачивается и убаюкивает	43
Глава, в которой не птица красит человека, а человек птицу	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дарья Урбанская

Полукрылые. Черные Песни Забвения

© Урбанская Д., 2023

© греча, иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Предисловие

Дорогой читатель!

Книга «Полукрылые. Черные Песни Забвения» вдохновлена мифами различных народов мира, во многих из которых – вот уж совпадение! – действительно встречаются невероятные крылатые существа – полулюди-полуптицы.

И пусть сведения о таинственных крылатых созданиях и их удивительных способностях, описанные на этих страницах, взяты из вполне реальных легенд, все же во многом Полукрылые и их особенные Выпевания – творение моего воображения.

В конце книги ты найдешь список птичьих фраз, которые так любит использовать Артем Титов, а также полную версию его «Журнала наблюдений за Полукрылыми», упоминания и отрывки из которого ты встретишь на страницах. Туда можно заглядывать, чтобы узнать или освежить в памяти значение неизвестных слов.

Надеюсь, история тебе понравится!

Пролог

Грязно-серая клякса разбухла и темнела прямо на глазах. Тонкие полупрозрачные ручейки вливались в нее со всех сторон и, объединяясь, обретали цвет. Всем было известно, что психео нематериально, но Артему казалось, что стоит протянуть руку, и он дотронется до чего-то прохладно-склизкого и густого, как кисель. От омерзения его передернуло.

Взбесившаяся энергия уже отрезала Артема от остальных стеной мутного тумана, за которым он не видел никого из своей команды. Они остались позади, в другом конце коридора. В ушах звенело, а в голове бились панические мысли:

– Беги... Спасай себя... Ты ничего не сможешь сделать...

Дрожащие руки вспотели, и Артем рефлекторно вытер их о футболку. Ладони дотронулись до чего-то мокрого и липкого. Он посмотрел вниз. На животе расплзлось уродливое пятно крови, алое на белых частях принта, бурое – на цветных.

Что же делать? Бежать за помощью?

Ему было отчаянно, безумно, невероятно страшно. До дрожи в коленках. До рези в желудке. До нехватки воздуха. Но вдруг он сейчас развернется и убежит, а с кем-то из одноклассников случится что-то непоправимое? Как он будет жить дальше?

Артем сжал кулаки, закрыл глаза и медленно выдохнул, пытаясь хоть немного успокоиться.

– Псих-хео нем-материально, оно н-нематериально, – твердил он сам себе, как заведенный. – Его даже н-не видит н-никто, кроме Полукрылых. Это п-практически игра м-моего воображения.

Немного выровняв дыхание, Артем затаил тихую монотонную мелодию без слов. Знакомые звуки придали ему сил и уверенности. Нет ничего сложного, нужно просто представить, что он на крылатой тренировке. А рядом стоит Виталий Иванович и контролирует его действия.

Артем открыл глаза. Грязное облако никуда не делось, оно бурлило, клубилось и как будто бы презрительно насмеялось над неудачником.

– У меня ничего не получится, нужно бежать, пока не поздно. Меня никто ни в чем не упрекнет... – промелькнули трусливые мысли, но Артем еще сильнее сжал кулаки, так, что ногти больно впились в кожу на ладонях, и, упрямо склонив голову, изменил тональность Песни.

На тренировках от подобного худосочное облачко психео сносило в сторону или даже расплывало, но сейчас такого не произошло. Зато в середине преграды появилась трещина со рваными краями. Она ширилась медленно, словно нехотя, пока не превратилась в проход, по которому как раз мог бы пройти щуплый подросток.

Стены открывшегося коридора еще были сизыми, но в глубине уже плескалась чернильная тьма. Даже лампочки на потолке, казалось, потускнели и выцвели. На другом конце освободившегося пространства, безвольно раскинув руки в стороны, лежал парень с синими прядями в волосах. Увидев, что его посеревшее лицо почти слилось по цвету с дешевым линолеумом, Артем больше не колебался.

Он сорвался с места и через пару секунд уже склонился над безжизненным телом, распростертым на полу, потряс его за плечо.

– Ник, эт-то я! Т-ты как? Встать м-можешь?

Никита Черниченко глухо застонал, но глаз не открыл.

– Д-да что ж т-такое... М-макс! Эл! В-вы где? Идите на м-мой голос! – заорал Артем, но слова его потонули в душном мареве.

Плотный туман как будто глушил звуки, хотя этого просто не могло быть на самом деле. Справа послышался шум, и Титов наугад хлестнул Выпеванием в ту сторону. Край облака поредел и разлетелся, стали видны остальные участники команды.

Элла Вихрева стояла на полшага впереди, бусинки в ее косичках не звенели, слипшись от крови, но лицо выражало решимость. Она монотонно тянула низкую ноту Песни барьера и иногда немного возвышала голос, отбрасывая напирющую пелену, не давая ей приблизиться. За ее спиной тяжело дышал Макс Редькин, облокотившись на стену коридора, его бледное лицо резко осунулось, лоб покрывала испарина. Но даже в этом состоянии он не удержался от подкола:

– Да ладно, Титов! Не успел, что ли, свалить под шумок?

Артем не стал обращать на него внимания и сосредоточился на Никите, обхватив его руками под плечи и приподняв.

Им нужно держаться вместе, иначе не справиться.

– Н-ну же, Ник, п-помоги мне, – пыхтел он, рывками подтаскивая одноклассника под прикрытие, которое создавала Эл. Но бореад, казалось, был совершенно обессилен. – Н-ну же, давай! От т-твоей хваленой птицы н-никакого толку!

Наконец он дотянул увесистого Черниченко до стены. Но отдыхать было некогда. Почти сразу Артем встал за плечом Эллы, как их учили на тренировках, и подхватил ее Выпевание. В очередной раз откинув наседающее психею, он обернулся на парней.

– Что б-будем делать?

Ему никто не ответил. Редькин затравленно смотрел прямо перед собой, а Никита, до этого вроде бы пришедший в себя, снова прикрыл глаза.

– Н-никаких идей? Ладно... Т-тогда вот. П-по одиночке м-мы долго не п-протянем. Нам н-надо объединить силы. Т-так что... – Артем сглотнул, предвкушая очередной издевательский комментарий. – М-макс, отдохнул? Держи б-барьер.

Редькин вздрогнул и перевел на него глаза. Затем отклеился от стены и молча сделал пару шагов вперед, равняясь с Эллой. Артем быстро развернулся и присел на корточки у лежащего бореада.

– Ник! Н-никита, от-ткрой г-глаза! Сосред-доточься. Всп-помни про Зета и К-калаида, про К-командную Песнь, н-ну!

– Я не... – Черниченко приоткрыл глаза и закашлялся, пытаясь ответить. – Я не знаю, как это сделать. Какую ноту взять. Я никогда раньше не окрылялся.

– Ник, т-твоя птица знает. П-просто доверься ей. Это н-наш единственный шанс.

Никита снова замолчал, и Артем не стал его торопить в надежде, что тот настраивается, ищет внутри себя верную тональность, а не просто впал в забытие. Секунды тянулись бесконечно долго. Если бореад не справится... Других идей не было.

Внезапно Элла глухо застонала и закрыла лицо руками. Сизая масса перед ними сразу же хищно всколыхнулась и потянула вперед осторожные щупальца. Макс повысил голос, выпевая Песнь барьера в одиночку, но было видно, что надолго его не хватит. Артем развернулся и начал вставать, чтобы присоединиться к одноклассникам, когда Черниченко внезапно издал резкий то ли вскрик, то ли всхлип.

А затем еще один, но намного ниже.

И снова.

Это было сложно назвать Песнью. Артем никогда не слышал ничего подобного. В звуках, которые выпевал синеволосяй бореад, был слышен стон ветра в скалах и клекот хищной птицы, парящей под солнцем. Свист пастушьего хлыста рассекал воздух. Заунывно выла, тосковала волынка.

Пальцы Никиты скрючились во внезапной судороге, а тело выгнулось дугой. Затем ногти начали вытягиваться и уплотняться, заостряясь на концах, немного загибаясь внутрь. Несильно, но человеческого в трансформировавшихся кистях осталось мало.

Из-под рукава футболки по коже вниз побежала темно-синяя вязь, похожая на ожившую татуировку. Рисунок напоминал одновременно рыбью чешую и птичье оперение. Кожа по всей длине рук стала шершавой и грубой, а в нескольких местах взбурилась, как будто под ней появилось что-то лишнее. Ник снова выгнулся и захрипел, задержался всем телом. Артем испугался, что он разобьет себе голову об пол и подсунул под затылок свою ладонь, придерживая бореада другой рукой за лоб.

Внезапно кожа на висках и скулах одноклассника потемнела и натянулась. А затем, вспарывая ее, наружу устремились крошечные перья, полупрозрачные как льдинки, но острые на вид. Они удлинялись и уплотнялись на глазах, окрашиваясь в цвета лазурного сентябрьского неба и свинцового северного моря.

Никита распахнул зажмуренные глаза и невидяще уставился прямо на Артема. Прежде обычные, его серые радужки налились неестественной голубизной и словно светились изнутри. Титов мог бы поклясться, что в какой-то момент Ник моргнул, не закрывая при этом глаз. Из-под век на мгновение показалась полупрозрачная перепонка, как у ящериц, но сразу же пропала.

Черниченко стал медленно подниматься, и Артем, как замороженный, повторял его движения. Выпрямившись, они вместе повернулись лицом к психею, и встали бок о бок с Максом. Элла отняла ладони от лица.

Четыре пары глаз одновременно моргнули и уставились перед собой.

Четыре рта синхронно затаили один мотив.

Четыре голоса сплелись так тесно, не различить, и на едином выдохе наотмашь ударили.

Часть 1. Уроки и тайны

Из журнала наблюдений за Полукрылыми

Полукрылые лишь на первый взгляд являются людьми. Но на самом деле они (мы?) умеют окрыляться. Кожа покрывается перьями, черты лица становятся похожи на птичьи. Нет, никто из них (нас?) по-настоящему не умеет летать. Зато им (нам?) подвластно кое-что другое.

Полукрылые различаются по видам птиц. Или нужно сказать – «по породам»? У каждой ветви есть свои особые способности, которые они могут использовать и в человеческом облике. Но в целом Полукрылых объединяет одно – способность Выпевать, то есть с помощью Песен влиять на людей и материальные предметы. А еще взаимодействовать с психо.

Глава, в которой коты жужжат, а не мурлыкают

Шесть дней назад

– Тема сегодняшнего урока: «Особенности внутреннего строения птиц, связанные с полетом». Но сначала хочу задать важный вопрос, – Анна Игоревна обвела глазами притихший класс. – Кто-нибудь знает, что такое мурмурация?

– Кошачья рация? – предположила Настя Афанасьева с первой парты, и все засмеялись.

Учительница тоже улыбнулась и покачала головой. И тогда варианты посыпались один за другим:

– Цветок, как настурция?

– Или дерево, как акация!

– Нет, это точно с котами связано... – настаивала Афанасьева, большая поклонница хвостатых и усатых.

Артем не выдержал и пробормотал:

– Н-ну что за б-бред! Как-кие, блин, к-коты, мы птиц п-проходим!

Ему казалось, что в том шуме, который поднялся в кабинете, его никто не услышит. Не хотелось лишний раз привлекать внимание. Но Маринка Прилепина, сидящая перед ним, услышала и, обернувшись, прошипела:

– Самый умный, что ли?

– Уб-бери от м-меня свои л-локаторы! – огрызнулся Титов.

– Придурок!

– Курица!

Прилепина ответить не успела. На весь класс, перекрывая остальные разговоры, раздался вопль Макса Редькина:

– Да фигня это, выдуманное слово!

– Редькин, что за выражения! И не вопи, ты не на стадионе. Черниченко, перестань листать учебник, там нет подсказки. – Строгие слова учительницы прекратили свалку. – Ну что же вы, десятый класс? Мы же последние две недели только птиц и изучаем. Значит и мурмурация с ними связана. Неужели никому не встречалось это слово?

Артем вздохнул от безысходности и поднял руку. Он и хотел бы отсидеться в тишине, не навлекая на себя очередную порцию гадостей, но у него никогда не получалось смолчать, если правильный ответ был ему известен. Промолчать, когда знаешь – это в полушаге от соврать, а что-то глубоко внутри него изо всех сил сопротивлялось неправде, сколько он себя помнил.

– Кто бы сомневался, – фыркнул на задней парте Редькин, даже не пытаясь понизить голос. – Ботанидзе!

Анна Игоревна бросила на него недовольный взгляд, а затем благосклонно кивнула Артему:

– Титов?

– Я что-то т-такое читал... Вроде бы, это к-когда стая птиц в-ведет себя в п-полете, как единое целое, д-да?

– Молодец, Артем, все верно! Открываем тетради и записываем.

Учительница повернулась к белой доске и маркером вывела крупные латинские буквы: MURMURATIO.

– Слово «мурмурация» произошло от латинского «murmuratio», что означает «бормотание, жужжание, карканье». Так называется явление скоординированного полета огромных стай птиц, чаще всего скворцов, но иногда также галок, ворон, воробьев и других...

– Точно фигня! Получается, котики жужжат, а не мурлыкают? – тихо проворчала Настя Афанасьева, но ее соседки услышали и захихикали.

Анна Игоревна строго посмотрела на девочек и продолжила:

– Это удивительный природный феномен, но ученые до сих пор теряются в догадках, почему птицы так делают. А о возможных причинах нам на следующем уроке расскажет Афанасьева, которая подготовит на эту тему реферат.

– Ну Анна Игоревна... – простонала Настя, но учительница была непреклонна.

– На два листа, Афанасьева. Тебе явно есть, что сказать. А тебе, Черниченко, очень советую поинтересоваться на спецкурсе про Командную Песнь бореадов. Это не мурмурация, конечно, но в чем-то похоже...

Когда биология закончилась, Артем выполз из класса последним. Следующей по расписанию стояла физика, его любимый предмет. Но спешить не имело смысла, иначе пришлось бы толкаться с одноклассниками у кабинета. Ему совсем не хотелось отвечать на тупые вопросы и слушать, как придурок Редькин изображает его «От-т-вали», а остальные ржут, как пегасы. Так что Артем прошел по коридору и, ведя рукой по шершавой, местами облупившейся синей краске на стенах, неторопливо спустился по лестнице на первый этаж.

В пустом помещении царил полумрак, и всегда было прохладно, независимо от времени года. В воздухе витал особенный запах сырой штукатурки, как в подъезде дома, где они с мамой жили раньше. Может быть, именно из-за этого в холле лица дышалось особенно легко.

Звук шагов гулко разносился по залу, отражаясь от плиточного узора на полу и взлетая до самого потолка, распугивая чужие воспоминания и призраки прошлого. Может быть, именно из-за этого там думалось особенно хорошо.

Артем перевелся в лицей в позапрошлом декабре, но друзей спустя полтора года так и не завел. Впрочем, в предыдущей школе у него тоже с приятелями было не очень. Все из-за дурацкого заикания, которого он жутко стеснялся, а от этого заикался еще больше.

Единственный, кто с натяжкой, но все же мог считаться его другом – Марк, сосед по подъезду, младше его на год. Но и он перестал общаться с Артемом, когда узнал, где тот будет учиться. Точнее не так. Сначала ему, наоборот, стало очень интересно, и он каждый день слал другу сообщения с разными вопросами, даже просил сфотографировать необычное здание лицея изнутри. Пару недель Артем честно отвечал, доказывая, что ничего ужасного в новом месте учебы нет, школа как школа. Было даже приятно, что друг за него так переживает. А потом Марк сообщил, что родители запретили ему общаться с парнем из красноармейского интерната, и заблокировал его во всех соцсетях.

К Красной армии лицей, конечно же, никакого отношения не имел – всего лишь находился в Красноармейском районе. Да и интернатом школа не являлась. Это подтверждала и позолоченная табличка на входной двери, и официальные документы, где черным по белому значилось «лицей-пансион». Но, видимо, сильны еще были в людской памяти воспоминания о послевоенных интернатах для сирот и беспризорных, где ученики жили постоянно. Такие заведения никогда не пользовались доброй славой и, по общему мнению, предназначались исключительно для «трудных подростков». Доля истины здесь все же имелась – в этом лицее дети учились, и правда, особенные.

Ко всем прочим своим проблемам – заиканию, природной стеснительности и неумению сходиться с новыми людьми – в новой школе Артем оказался еще и «учительским сыночком», как на первой же крылатой тренировке, полтора года назад, окрестила его Марина Прилепина.

Титов прекрасно помнил, как это было. Они как раз тренировались задувать свечи Выпечением. Это самое простое, чему учат птенцов, и все в классе неплохо справлялись. Тренер Виталий Иванович зажигал фитиль, а затем каждый из ребят по очереди тянул несколько нот определенным образом, чтобы погасить пламя. И только у Артема, как он ни старался, Выпе-

вание не выходило. Он старался изо всех сил, делал все точно так же, как остальные, но свеча гасла в лучшем случае с пятой или шестой попытки.

– Виталий Иванович, а почему новенького к нам в класс перевели, а не в восьмой? – громко спросил тогда Камиль Сафин, совершенно не переживая, что Артему, который стоял рядом, может быть неприятно. – Он же даже свечу с трудом задувает.

– Потому что ему четырнадцать, как и вам, – отрезал тренер. – А способности со временем разовьются. Мы тут для того и собрались, чтобы заниматься.

– Да просто он учительский сынок, – прошептала Маринка на ухо подружке, но услышали все. – Не захотел с мелкими учиться и маму попросил.

Вот не зря у нее такая фамилия – Прилепина. Обидное прозвище прилепилось намертво, хотя сказанное не было правдой. Артем маму ни о чем не просил и даже не подозревал, что его новые одноклассники будут уметь заметно больше, чем он. Он вообще очень мало знал о Полукрылых, когда перешел в лицей.

За прошедшее время Титов, конечно, уже многому научился, а по математике и физике даже стал лучшим. Но до сих пор на крылатых тренировках любой из его класса показывал более впечатляющие результаты, чем он.

Отбросив неприятные воспоминания, Артем устроился на широком подоконнике и достал из рюкзака толстый блокнот на пружинке. На крафтовой коричневой обложке аккуратными печатными буквами было выведено:

Журнал
наблюдений
за Полукрылыми

Он завел этот блокнот на следующий день после того, как узнал о существовании людей-птиц и о том, что сам является одним из них. Мама лишь в общих чертах объяснила ему, что это за существа такие, Полукрылые, пообещав, что Артем обо всем подробнее узнает в новой школе. Но от этого вопросов не стало меньше. Так что он решил записывать все, что непонятно, или что вызывает его удивление. Как настоящий ученый-антрополог в племени, затерянном в джунглях вдали от цивилизации.

На самом верху самой же первой страницы стояло три больших вопросительных знака.

???

Почему они (мы?) называются Полукрылые? Что за странное слово? Это значит – только одно крыло из двух? Или крыльев два, но они укороченные какие-то?

Обрубки, что ли?

Недоразвитые крылья?

Чуть ниже чернилами другого цвета позже была сделана приписка:

«Полукрылые» – значит, крылатые полулюди-полуптицы. Ясно.

Из одноклассников Артему больше всех нравился Никита Черниченко. Он был выше и крупнее остальных в классе, но двигался и разговаривал всегда неторопливо, словно ему некуда спешить. Из-за этого он казался недалеким увальнем, но первое впечатление было обманчиво. А самое главное, он никогда не передразнивал Артема и не делал вид, что устал ждать, когда тот закончит фразу. Черниченко как будто и не замечал, что собеседник заикается.

А еще Ник, единственный из класса, уже знал свою птицу. Остальным оставалось только завидовать и ждать своего времени. Именно поэтому учительница биологии посоветовала Нику

спросить на спецкурсе про какую-то «Командную Песнь». Наверняка, что-то из особых способностей его ветви.

Обычно птенцам удавалось впервые окрылиться – то есть трансформироваться в Полукрылого – ближе к шестнадцати-семнадцати годам. До этого возраста можно было только гадать, какая у тебя птица. И только бореадов это правило не касалось – их волосы начали синеть вскоре после того, как у птенца проявлялись способности Полукрылого. Вот и у Никиты были темные, почти черные волосы – цвета воронова крыла, среди которых ультрамариновыми стрелами выделялись крашенные пряди. Точнее, обычные люди думали, что пряди крашенные. Артем и остальные в лицее знали, что это его натуральная масть.

Про бореадов сам Артем узнал не так давно. Никогда прежде не слышал такого слова и сначала подумал, что это то ли кличка Никиты, то ли фамилия такая странная, нерусская. Но оказалось, что нет. Забавно, но не слово относилось к Нику, а Ник к слову.

Титов перелистал несколько страниц блокнота – до той, где сверху было крупно написано БОРЕАД и два раза подчеркнуто. Он перечитал текст, написанный под заголовком:

Известный бореад: Никита Черниченко.

Внешний вид: Синие пряди в волосах. Значит, и перья синие? Умеет ли он уже окрыляться?

Мифология: Бореадами звались Зет и Калаид, герои древнегреческого мифа про путешествие аргонавтов. Они считались сыновьями Борея, бога Северного ветра, и у них были крылья на ногах и спине.

Артем задумался, глядя в окно и покусывая кончик ручки, которую достал вместе с блокнотом. И затем дописал внизу страницы:

Особая способность бореадов: командная Песнь. Похоже, это что-то вроде мурмурации у птиц. Стая действует как единый организм. Уточнить на спецкурсе.

Всего в их классе училось семь человек. Точнее раньше было семь, но с этой четверти стало восемь – к ним перевели еще одного птенца, вернее еще одну.

У Эллы Вихревой был вечно надменный взгляд и золотисто-каштановые волосы до плеч, в которых при каждом движении звенели и стучали бусины, колечки и цепочки, вплетенные в косички. В любую погоду она ходила в черной кожаной куртке с блестящими металлическими заклепками. Наверное, она могла бы всем понравиться своей смелостью и загадочностью. Но она не хотела. Вместо этого предпочитала говорить, что думает, и плевала на правила вежливости. Артем не знал, в чем дело, но на все попытки с ней подружиться новенькая реагировала довольно агрессивно. Смотрела зло, отвечала резко. Если вообще отвечала.

В ее первый день Антон Сергеевич, их классный руководитель, пришел в кабинет вместе с ней и объявил:

– Ребята, знакомьтесь – это Элла, она перевелась в наш лицей и будет учиться с вами в десятом классе.

Ни на кого не взглянув, девушка молча прошла и села за последнюю парту. После урока Прилепина с подружками подошли знакомиться.

– Привет, Эля. Я Марина, а это Настя и Тоня. А где ты раньше училась?

Вихрева окинула ее высокомерным взглядом с ног до головы и заявила:

– Мое имя – Элла. А если тебе так сложно запомнить четыре буквы подряд, то, так и быть, можешь называть меня Эл.

У Прилепиной даже уши покраснели от злости. Никто не смел так с ней разговаривать, зная ее злопамятность и скандальный характер. Но осадить новенькую она не успела, потому

что в этот момент в кабинет зашел учитель. А потом прошел слух, что Вихрева после уроков дополнительно занимается с психологом, так что за ней прочно установилась слава «психованной рокерши». Спустя пару недель после начала четверти ребята к ней больше не лезли. Чего гусей дразнить. В классе вновь установилось привычное равновесие – шесть друзей и два отщепенца.

За размышлениями перемена пролетела незаметно, и Артем чуть не опоздал на физику. Звонок уже прозвенел, когда он на всех парах влетел в кабинет.

Из журнала наблюдений за Полукрылыми

Известный гаруда: Антон Сергеевич, учитель физики и классный руководитель.

Внешний вид: Блондин с золотистыми волосами. Не видел, как он окрыляется, но перья должны быть золотые. Гаруды всегда мужского пола.

Мифология: гаруда – это царь птиц в индуизме, орел с человеческим туловищем. Он считался ездовой птицей бога Вишну, мог принимать любое обличье и проникать куда угодно. Выглядел как орел с человеческим туловищем.

Особая способность: сильнее обычных людей, могут ускоряться и двигаться стремительно. Определяют яды.

Глава, в которой звуки упорядочивают мысли

Вел физику Антон Сергеевич. Как и все учителя в лицее, он являлся Полукрылым, и его птицей была гаруда. Жизнерадостный, симпатичный и золотоволосый, физик легко располагал к себе, а все девчонки в старших классах втайне по нему вздыхали. Артема, конечно, эти романтические глупости не интересовали, но он все равно был рад, что именно Антон Сергеевич курирует их класс. Была в нем какая-то надежность, молчаливое понимание, которое редко встретишь у взрослых.

Гаруда – еще одно новое слово, которое Артему пришлось поспешно выучить, едва он перевелся в лицей. А именно – на первой же встрече с классным руководителем.

– Артем, познакомься, – сказала мама тогда, – это Антон Сергеевич, он ведет ваш класс. Он тоже Полукрылый и, кстати, гаруда. Помнишь, я рассказывала? Это из индийской мифологии.

Артем не помнил. Вероятно, она действительно говорила об этом, но за те несколько дней на него обрушился такой шквал новой информации, что голова шла кругом. Мир больше не казался знакомым и привычным, ведь любой встречный человек мог оказаться не просто человеком. Кто угодно. Продавщица в магазине. Сосед с первого этажа. Кондуктор в троллейбусе. Позже Артем, конечно, прочитал в «Википедии», что значит это слово, но что из большой статьи относилось к Антону Сергеевичу, было непонятно. Жалко, что в «Википедии» про Полукрылых ничего не писали.

Учитель, конечно, заметил, что Титов вбежал в класс последним и уже после звонка, но ничего не сказал. Знал, что тот предпочитает на переменах побыть в одиночестве. Дождавшись, когда все расселись, физик поздоровался.

– Здравстееантонсергеич! – раздался в ответ нестройный хор голосов, а Артем, сидевший на первой парте, воспользовался заминкой и потрогал пальцем прибор, стоявший на учительском столе. Он уже видел такие штуковины раньше по телевизору. В сериалах они часто стояли в кабинетах всяких начальников и руководителей.

– Титов, руки прочь от наглядного пособия!

– Из-звините, Антон Сергеевич, а что это т-такое?

– Имей терпение, скоро расскажу. Но сначала хочу напомнить всем про завтрашний день. Наш поезд отправляется с центрального вокзала в 19–40, но я прошу приехать заранее, хотя бы на полчаса. Родителей я обзвонил еще в начале четверти, но вы тоже следите за временем. Ждать поезд никого не будет. Да, Антонина?

– Моя мама спрашивала, будут ли нам всем давать какие-то сертификаты об участии или только победителям?

– Конечно, всем. Это же официальная ежегодная олимпиада, а не какое-то шпионское прикрытие. Так что желающие неКрылатые родители даже смогут следить за новостями на сайте мероприятия. Ну а Полукрылые и так в курсе. Да, Марина?

– С нами поедет еще кто-то из учителей?

– Нет, только я, а кто вам еще нужен?

Все засмеялись, а Артем заметил, как после этих слов неразлучная парочка – Прилепина и Редькин – обменялась хитрыми взглядами. Наверняка они уже обсудили, как же это получится, что учительского сыночка отпустят одного в другой город, без присмотра мамочки.

– Так, ну что еще... вещей много не берите, у нас насыщенная программа...

– Да не переживайте вы так, Антон Сергеевич, все будет хорошо, – внезапно заявил Никита. – Мы же в прошлом году уже ездили на крылатые соревнования. Правда, не в Петербург, но один фиг, город посмотреть не получится.

– Да уж, если один фиг, то и правда, – улыбнулся учитель. – Ладно, если вопросов больше нет, то давайте хотя бы сделаем вид, что у нас тут физика, а не классный час. Записывайте тему: «Преобразование потенциальной энергии в кинетическую». А на столе, Титов, если тебе по-прежнему интересно, стоит Маятник Ньютона или, как его еще называют, Колыбель Ньютона.

Антон Сергеевич подошел ближе к столу. Наглядное пособие, оно же маятник, представляло собой две поставленные на ребро металлические рамки. Между ними на тонких струнах висели шарики, пять штук, вплотную друг к другу. Стоило учителю оттянуть вбок и отпустить крайний шарик, как он со звонким щелчком врвался в своего соседа и замер. А вот его брат-близнец с противоположной стороны отскочил ровно на такое же расстояние. А затем тоже вернулся на место. Висевшие в центре шары при этом так и не шелохнулись. Маятник пришел в движение и застучал, щелк, щелк, щелк.

– Редькин, а напомни-ка нам, что такое кинетическая энергия? – коварно поинтересовался физик.

– Это... – Макс замялся, вспоминая, но наконец сообразил. – Ну как бы энергия движения.

– А потенциальная?

– Как бы энергия покоя.

– Ну как бы, верно, – передразнил его учитель. – Вот колыбель Ньютона как раз и сделана для демонстрации преобразования энергии движения в энергию покоя, и наоборот. Завораживает, правда?

Все в классе уставились на равномерные гипнотизирующие движения маятника, пока Антон Сергеевич продолжал объяснять:

– ...первый шарик передает импульс потенциальной энергии второму и останавливается. Второй шарик получает импульс, но не может преобразовать его в кинетическую – ему просто не пошевелиться, так как он зажат между соседями – импульс переходит в третий и так далее. Последний же шарик не имеет перед собой никакой помехи, поэтому свободно движется. Затем все повторяется в обратном направлении.

– Антон Сергеевич, а он долго будет так стучать? – поморщилась Афанасьева.

– Недолго, вот уже и замедляется, видишь? А что, не нравится звук? Странно, его, наоборот, часто используют для медитации. Считается, что равномерные щелчки помогают привести мысли в порядок. А кто знает, почему он останавливается?

Учитель обвел глазами класс.

– Черниченко, может, ты? Нет? Ну уж ты-то, Титов, наверняка знаешь!

Артем кивнул:

– К-конечно. Из-за трения.

– Об воздух, что ли? Бред! – фыркнула Прилепина.

– Т-тебя з-забыли спросить! – не остался в долгу Титов.

Но физик словно и не заметил их перепалку.

– ...и об воздух в том числе, молодец, Артем! Ну и сила гравитации, конечно, на него действует. Слышали про вечный двигатель? Так вот маятник мог бы им стать... в подходящих условиях. Но таких условий никому не под силу создать.

– Даже Крылатому? – неожиданно подал голос Камиль. Обычно он мало интересовался физикой, да и другими школьными предметами. Считал, что, обладая способностями Полукрылых, необязательно сильно вникать в глупые человеческие знания.

– Интересный вопрос, Камиль, сходу и не ответить... – учитель задумался, а затем стал рассуждать вслух. – Вакуум мы Выпеванием создать не можем, да и гравитацию отменить тоже. Во всяком случае я не слышал, чтобы у кого-то из нас были такие способности.

Класс оживился. Тема возможностей Полукрылых в целом и разных птиц в частности была интересной, не то что какая-то скучная физика.

– То есть гаруды точно не могут, а про других вы не уверены? – хитро поинтересовался Редькин.

– Я вообще про всех, кроме себя, не уверен, – рассмеялся Антон Сергеевич. – Но думаю, что гаруды все-таки не по этой части. Гаруды же кто? Бесстрашные воины, неутомимые герои, златоперые рыцари. Сила, доблесть, скорость... Ну вам наверняка на спецкурсе рассказывали. А тут тонко воздействовать надо...

Мужчина задумался, глядя в окно и немного шевеля губами, будто беззвучно подсчитывал что-то. Ребята молча смотрели на него, не решаясь потревожить. Учителя по обычным школьным предметам не очень любили обсуждать на уроках что-либо, связанное со способностями Крылатых. Так что никому не хотелось случайной фразой сбить Антона Сергеевича с интересной темы.

– Нет, ничего из мне известного не подходит, – наконец со вздохом признал он. – Разве что попробовать воздействовать на шарик физически – например, подтолкнуть его, когда он начнет останавливаться. Но это, конечно, не будет иметь совершенно никакого отношения к вечному двигателю. Да и какой смысл? Наше умение Выпевать – это дар, зачем же растрачивать его на то, что можно и руками сделать...

– Ну от него же не убудет! – бесхитростно возразил Камиль.

Антон Сергеевич засмеялся.

– Знаете что, друзья, давайте вы эти философские диспуты будете на спецкурсе вести. А на физике будем обычную земную физику обсуждать. Как простые смертные.

Все сразу же посчитали в уме, когда следующее занятие по спецкурсу, и приуныли. До него было еще почти две недели, учитывая, что завтра класс на неделю уезжает на соревнования.

Правда, на спецкурсе им тоже объясняли немного. Информацию выдавали небольшими порциями. Даже учебников не было. Вероника Сергеевна, которая вела предмет, просто рассказывала им весь урок разные истории из жизни Крылатых. А еще каждому из класса разрешалось задать вопрос. Но только один. Иногда учительница приводила на урок гостя. Обычно это был довольно пожилой Полукрылый, отошедший от дел, порой бывший или нынешний член городского слета, собрания самых опытных и сильных старейшин.

Но в любом случае «Крыловедение», как они между собой его называли, было самым интересным предметом в лицее. Его одинаково любили ученики всех классов. Еще бы – ни контрольных, ни домашнего задания, ни экзамена в конце года. Сравниться с ним по популярности могла разве что культурология.

Для всех, кроме Артема.

Из журнала наблюдений за Полукрылыми

Известный гамаюн: Ольга Владимировна, школьный психолог

Внешний вид: оперение дымчато-серое (лично не видел, но слышал, как одноклассники это обсуждали)

Мифология: безногая (кошмар!) птица из славянского фольклора. По легенде, коготок птицы гамаюн дает способность видеть окружающий мир по-настоящему – со всеми его бедами, несправедливостями и жестокостями. Считается символом познания и взросления.

Особая способность: развитая интуиция, при сильных способностях даже может предсказывать будущее.

Глава, в которой психолог ошибается

Следующим уроком у десятого класса как раз стояла культурология, и это было для Артема настоящей пыткой. Самое ужасное заключалось в том, что на самом деле культурология ему нравилась. Но ему приходилось делать вид, что это не так. А все потому, что предмет вела Милена Игоревна Титова, его мама.

Если бы ему не прилепили обидное прозвище «учительского сыночка», Артем бы с удовольствием занимался на уроках и даже читал дополнительные книги. Да и мама всегда хорошо объясняла новый материал, нескучно и понятно. Не все учителя так умели. Но теперь ему приходилось изображать перед одноклассниками, что ни о каких доверительных отношениях в их семье и речи нет. Артем и сам не совсем понимал, как именно он пришел к такому выводу. Но на каждом уроке старательно делал вид, что ему глубоко безразлично происходящее в классе. А на замечания дерзил и огрызался.

Милена Игоревна очень удивлялась, почему ее сын – дома такой покладистый и спокойный парень, который с удовольствием брал в ее шкафу книги с мифами разных народов мира – на уроках становился совершенно другим человеком. Вредным лентяем, постоянно глазающим в окно со скучающим видом. Она даже спрашивала у других учителей про поведение своего сына. Но все как один утверждали, что Титов ведет себя хорошо. А классный руководитель, Антон Сергеевич и вовсе его расхваливал. Тогда Милена Игоревна поговорила с психологом, которая один раз в неделю приходила в лицей.

– Подростковый бунт во всей его красе! – постановила психолог Ольга Владимировна. – У вас неполная семья, Миленочка, мальчику требуется мужская рука. Да еще и новости о его способностях свалились неожиданно-негаданно. Ему нужно больше твоего внимания.

Ольга Владимировна, конечно же, как и все сотрудники лицея, являлась Полукрылой, а ее птицей была гамаюн – райская птица из славянских легенд. Обычно гамаюны отличаются отличной интуицией, а иногда, довольно редко, даже предвидят будущее. Но у Ольги Владимировны способности были слабые. Одним словом, как гамаюн она была не очень. Да и как психолог, оказывается, тоже. Угадала только про бунт – так это и невооруженным глазом было видно. А вот с причинами полная промашка вышла. Но Милена Игоревна этого не знала. Она приняла слова дипломированной коллеги на веру и удвоила, а то и утроила свое родительское внимание к сыну. Получился замкнутый круг. Чем усердней мать старалась окружить Артема вниманием, тем более ершистым становился тот. Спросить же у собственного сына, в чем дело, ей и в голову не приходило, как часто бывает в отношениях между детьми и родителями.

Когда десятый класс пришел на культурологию, в кабинете их ждал приятный сюрприз – за учительским столом сидела Вероника Сергеевна.

– У Милены Игоревны появились срочные дела, – объяснила учительница. – Так что не доставайте учебники, никто ведь не возражает против внепланового урока по спецкурсу?

Ребята довольно зашумели, перекрикивая друг друга. Артем тоже обрадовался и с облегчением расправил затекшие плечи. Оказывается, он и сам не заметил, как сжался, ссутулился, заходя в кабинет, как на эшафот. Интересно, что случилось? Утром мама ничего не говорила по этому поводу, но ведь срочные дела потому и называются срочными, что возникают неожиданно.

Он немного замешкался, и все парты поближе к Веронике Сергеевне уже заняли одноклассники. На спецкурсе никогда не было желающих отсесть подальше. Так что ему пришлось довольствоваться местом у окна, рядом с новенькой. Вихрева хмуро зыркнула на него из-под челки и звякнула бусинами, отворачиваясь, но Артем сделал вид, что ему все равно. Не сидеть же в последнем ряду из-за того, что ее вредное величество не любит людей! Честное слово, если бы Элла так не выпендривалась... Глупой она не выглядела, контрольные писала на ста-

бильные четверки, и к подколам Прилепиной была равнодушна, что особенно к ней располагало. Так что, чисто теоретически... Хотя нет, маловероятно, что она заинтересуется таким, как Артем – невысоким невзрачным ботаником, который к тому же заикается.

– Вы уже прекрасно знаете, – начала рассказывать Вероника Сергеевна, – что истории о полулюдях-полуптицах, которые встречаются во многих мифах и легендах по всему миру, отчасти правдивы. Мы, Полукрылые, действительно существуем.

– Серьезно, что ли? – пробормотала Афанасьева. Одноклассники стали давиться смехом, а учительница сделала вид, что не услышала, и продолжила:

– У нас есть свои отличия, свои особые способности и возможности у каждой ветви птиц. Но в целом нас объединяет одно – способность Выпевать.

Артем незаметно вздохнул. Иногда Вероника Сергеевна словно забывала, что перед ней не зеленые семиклашки, которые первый год учатся в лицее, и начинала твердить прописные истины.

Он бросил тоскливый взгляд в окно, на зеленые макушки деревьев. Солнце сегодня жарило нещадно, как, впрочем, весь последний месяц. Лето вступило в свои права уже в мае, бесцеремонно подвинув весну. Артем слышал, как Макс с Камилем и Никитой договаривались после уроков посидеть в Маке и отметить начало небольших каникул, вызванных поездкой на олимпиаду. Прилепина наверняка отправится с ними – после того, как Марина с Максом начали встречаться, они не отлеплялись друг от друга. Даже на уроках сидели рядом. Артема, конечно, никто не звал, да он и не пошел бы.

Отвлекшись, он прослушал, как Вероника Сергеевна сменила тему.

– ...психео еще часто называют по-простому нечистью, – говорила учительница, – а по сути своей оно является энергетической субстанцией. Энергией сильных отрицательных эмоций. Хотя в прошлом многие Полукрылые верили, что видят души умерших. И даже считали себя психофорами, то есть проводниками душ на тот свет.

– А почему перестали так считать? Вдруг так оно все и есть? – перебил ее Максим.

– Это твой сегодняшний вопрос, Редькин? – Вероника Сергеевна строго посмотрела на парня поверх очков.

– Нет, это я так... – стушевался Макс.

– Тогда, если ты не возражаешь, я продолжу. Сегодня я хочу поговорить не о нечисти, а о том, можно ли мифы целиком принимать за истину, раз уж в главном – в реальности Полукрылых – они не врут. А если нет, то как отличить, что в них правдиво, а что выдумка? Кто-нибудь хочет поразмышлять над этим вопросом?

Вероника Сергеевна очень любила, чтобы на ее уроках ученики сами рассуждали на разные темы, даже если не знали правильного ответа. Особенно, если не знали правильного ответа. Она называла это «мозговой штурм» и утверждала, что «учит их думать своей головой, а не зубрить уже кем-то придуманное». Можно было не бояться ляпнуть какую-то глупость. Вероника Сергеевна никогда не поправляла и не высмеивала ничьи слова. И не позволяла смеяться никому из одноклассников.

Когда Артем только перевелся в новый лицей, он старался говорить на уроках как можно реже, хотя ответы, как правило, знал. В его предыдущей школе программа была сложнее. Тем не менее, на вопросы учителей он отвечал по возможности кратко, а сам почти не поднимал руку. Было очень стыдно заикаться на глазах у недружелюбных незнакомцев. Правда, иногда становилось совсем невмоготу от внутреннего зуда, когда правильный ответ, как живой, рвался наружу сквозь его сжатые губы.

На первом же уроке по спецкурсу Вероника Сергеевна предложила подумать, почему Песни алконостов имеют большую силу внушения, чем у других Крылатых.

– Из-за д-длины в-во?.. – попытался ответить Артем. Его и самого интересовал этот вопрос, так что он прочитал всю информацию школьного уровня, какую смог найти, про звуковые колебания.

– ...волос? – Прилепина закончила фразу за него и демонстративно перекинула вперед свою длинную косу.

Все засмеялись. Вероника Сергеевна прищурилась и, окинув Марину взглядом, произнесла:

– Слышали поговорку «Волос долог, да ум короток»?

Марина покраснела, а учительница невозмутимо продолжила:

– Если народная мудрость связывает длину волос и уровень интеллекта, то почему не может и Песнь алконоста быть с этим свя...

– Д-да нет же! Длины волны! Волны, а не волос! – выпалил Артем, от возмущения даже перестав заикаться.

– О, очень свежая мысль, Титов! – учительница перевела на него заинтересованный взгляд. – Антон Сергеевич обрадуется. В его полку любителей физики прибыло.

Воспоминания прервал удивленный голос Вероники Сергеевны:

– Что, ни у кого нет никаких идей?

Она осмотрела класс, но сегодня никто не рвался отвечать. В кабинете было жарко, а хорошая погода за окном настраивала больше на отдых, чем на учебу. Наконец руку все же подняла Настя:

– Мне кажется, что мифы – это как сказки. Люди в старину не знали, как объяснить то, что происходило, вот они и придумывали всякое. Гром гремит, значит, Перун гневается. Но иногда что-то в легендах действительно правда. Вот, например, гарпиями, как и в легендах, обычно рождаются девушки. А гарудами – парни. А почему так, кстати?

– Сложно сказать, в чем причина, – учительница довольно кивнула первому добровольцу и поправила очки. – Нас, Полукрылых, так мало, и мы живем скрытно. А тут нужны масштабные исследования, возможно, генетические, но их невозможно провести тайно.

– А если наоборот получится? – снова встрял Максим, но в этот раз Вероника Сергеевна не стала его одергивать. – У парня гарпия проявится, а у девушки – гаруда...

– Я никогда не слышала о подобном, Редькин, но это было бы любопытно. Например, будет ли у них такой же набор способностей как обычно или нет... – учительница явно заинтересовалась перспективой. – А почему ты спрашиваешь? Ты встречал или слышал про такую аномалию?

– Не, я просто так спросил. У нас же как бы это... мозговой штурм.

– А повлиять как-то на свою птицу можно? – Тоня Коврова изо всех сил надеялась, что она окажется каладрием, хоть они и считались редкостью. – Сделать что-то, чтобы нужная ветвь проявилась?

Она родилась в семье потомственных врачей, и сама планировала продолжить династию. А целительские способности белоснежной птицы из древнеримских легенд очень пригодились бы ей при поступлении в медицинскую академию, да и в дальнейшей карьере.

– Птица не появляется из ниоткуда, – покачала головой Вероника Сергеевна. – Она с вами с рождения. Вы уже такие, какие вы есть. Нужно просто узнать себя получше.

На самом деле Антонине было совершенно не обязательно быть каладрием, чтобы стать врачом. Способности – это личное дело каждого, и не важно, человек это или Крылатый. Если ты хорошо рисуешь с детства, то совсем не обязан становиться художником. Строй самолеты, покоряй Эверест, да хоть крестиком вышивай, а в свободное время рисуй для души. Или не рисуй.

Кстати, прекрасным этому примером являлась мама Артема. Милена Игоревна была как раз каладрием, но со слабыми способностями. Целительство сильно истощало ее силы, да и

работало только с несложными болезнями. Интересы к медицине у нее тоже не имелось, так что она выбрала сферу искусства. Закончила музыкальный институт, потом консерваторию. И никому не приходило в голову упрекнуть ее за то, что она не врач.

– Мне кажется, что нельзя сходу разобраться, где в легендах правда, а где нет, – заявил Камиль. – К тому же она часто хорошо скрыта или, наоборот, говорится прямым текстом, но слишком уж образно. Вот, например, коготок птицы гамаюн, который дает способность «видеть мир по-другому». Тут ведь что угодно можно подумать – даже что от него начинаешь видеть в инфракрасном спектре.

– Да причем тут инфракрасный спектр? – возразила Марина, – Еще скажи ультрафиолетовый! Гамаюны – провидцы, вот что имеется в виду. Если сильные. А если слабые, то интуиция, значит, развита хорошо.

– Это если знаешь, что речь про интуицию. А если не знать – можно как угодно понять, – уперся Сафин.

– Вы оба правы, – учительница, как обычно, погасила наметившийся спор. – Камиль, отлично подметил про образность описаний в легендах. Марина, тоже все правильно сказала про гамаюнов. Еще у кого-то идеи будут?

– Вероника Сергеевна, а можно про бореадов спросить, но не по теме? – Никита вспомнил про полученный утром совет. – Анна Игоревна сегодня на биологии про мурмурацию птиц рассказывала. Ну это когда они синхронно летают. И сказала, что это и ко мне имеет какое-то отношение.

– Кстати, это вопрос как раз по теме, молодец, Черниченко! Командная Песнь бореадов – еще один прекрасный пример того, как правда о Полукрылых в мифах настолько хитро запрятана, что понять ее людям несведущим очень и очень непросто. Никита, можешь напомнить нам историю про самых известных бореадов, Зета и Калаида, в той части, где они не дождались Геракла?

– Ну, в общем... э-э-э... Зет и Калаид были сыновьями Борея, северного ветра, и плыли вместе с аргонавтами за Золотым руном, – начал Никита пересказывать миф, который они как раз недавно проходили по культурологии. – Во время остановки у одного острова Геракл долго не возвращался на корабль, и братья-бореады уговорили остальную команду отплывать без него.

– Отлично, спасибо! А теперь вопрос ко всем. Каким образом двое могут уговорить большую группу воинов, героев и просто хороших людей бросить своего друга и товарища в малоизвестном месте? – и Вероника Сергеевна обвела класс хитрым взглядом.

Все переглянулись, но идей ни у кого не возникло.

– Ключевое слово – уговорили, – Вероника Сергеевна сама начала отвечать на свой же вопрос. – Зет и Калаид были Полукрылыми, им были подвластны силы, недоступные простым смертным. Командная Песнь позволяет бореадам на недолгое время очень сильно сплотить группу, направлять ее. Люди начинают действовать, двигаться, даже дышать в одном ритме. Становятся как будто единым организмом. А его сердцем и разумом становится певец-бореад.

– Но это же как будто принуждение... Получается, что они не уговорили, а заставили остальных отплыть? – заявил Камиль и возмущенно уставился на Черниченко, как будто тот был во всем виноват.

– И да, и нет. Командная Песнь не действует на того, кто всей душой против. Значит, аргонавты и сами уже были не рады, что приходится ждать Геракла, раз поддались Командной Песне, – и учительница бросила взгляд на часы. – Так, до звонка еще пять минут, но думаю, мы можем сегодня закончить пораньше...

Внезапно справа от Артема раздался голос:

– А избавиться от птицы можно? Насовсем. Перестать быть Полукрылым.

Элла так редко сама о чем-то спрашивала, что все одноклассники как один уставились на нее в изумлении. Никто даже не обратил внимания на ее странный, нелепый вопрос. Избавиться от птицы! Как такое вообще в голову могло кому-то прийти!

Вероника Сергеевна, однако, ничем не выразила удивления, разве что небольшой паузой перед тем, как ответить. Хотя, может, она просто размышляла.

– Можно ли избавиться от части себя? Наверное, если эта часть не жизненно важная, то попробовать можно. Но станешь калекой. Например, как отрубить себе руку. Жить можно, но одеваться неудобно. А почему ты спрашиваешь, Элла?

– Тоже просто так, как Редькин. Чисто теоретически, – пробормотала Эл. – Просто интересно.

Артем хмыкнул, и соседка подозрительно взглянула на него. Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но тут прозвенел звонок.

Из журнала наблюдений за Полукрылыми

Известный каладрий: мама (Милена Игоревна Титова) и ее знакомая, Алена Петровна, из Санкт-Петербурга

Внешний вид: светлые вьющиеся волосы. Когда окрыляются – белоснежное оперение.

Мифология: каладрий – это птица-альбинос из древнеримских легенд, обладавшая способностью предсказывать больному, каким будет исход его болезни. По преданию, некоторые правители держали ее при своих дворах. Существовало мнение, что эта птица способна принять на себя болезнь, а потом улететь, рассеивая ее и исцеляя себя и больного.

Особая способность: целительство

Глава, в которой полно тыквенных семечек

Уроки закончились, но до обеда еще оставалось время, поэтому все разошлись по своим комнатам, чтобы отнести учебники и переодеться перед тренировкой во второй половине дня. В их классе только двое – сам Артем и новенькая – учились на полном пансионе, то есть они постоянно жили в школе. Остальные находились там только с понедельника по пятницу, а на выходные разъезжались по домам. Да и большинство ребят из других классов тоже проводили субботу и воскресенье с родителями. Не считая тех, кто жил так далеко, что на пару дней уезжать не было смысла – например, где-то в области.

Сколько точно человек училось в лицее, Титов не интересовался, но определенно немного – всего семь классов, с пятого по одиннадцатый, никаких А, Б и В. И сами классы были небольшие, примерно, как у них, учеников по восемь-десять. Даже в будние дни в здании лицея спокойно поместилось бы в два раза больше шумных подростков, а уж на выходных и вовсе можно было за весь день никого в коридорах не встретить.

Располагался лицей в здании бывшего дворца культуры на самых задворках самого дальнего района Волгограда. Это абсолютно неудобное местоположение лишь усиливало пренебрежительное отношение окружающих к «интернату». Но, вероятно, Полукрылые на это и рассчитывали. Меньше интереса – меньше внимания и ненужных вопросов.

Снаружи здание представляло собой немного облупившийся, но все еще величественный особняк с белыми колоннами у входа. Сложно было представить, что в нем можно поселить учеников и проводить занятия. Ведь изначально он был для такого не предназначен, а значит, совершенно не похож на школу. Но внутри здание значительно перестроили, приспособив под нужды лицеистов и учителей.

Холл при входе остался нетронутым. Стена над дверьми была украшена советской лепниной со звездами и колосьями, серпами и молотами. В высоченных потолках терялось эхо, а на стенах по-прежнему блестели мозаики с пионерами в красных галстуках. После превращения дворца в лицей сюжеты картин снова оказались актуальными, ведь его коридоры опять наполнились звуками детских голосов.

Жилым крылом стало левое. Его обустроили для комфортного проживания и разместили там комнаты учеников. Обычно птенцов селили по двое или трое, а удобства были общие и находились на этаже. Но Артем жил вместе с мамой, и им выделили целые апартаменты с собственной ванной, как и у остальных учителей, которые обитали в лицее.

Перейти в правое, учебное крыло можно было или по рекреации на втором этаже, или по холлу первого этажа. Чаще всего пользовались именно рекреацией, чтобы лишний раз не бегать вверх-вниз по лестницам. Да и потом, огромное полупустое помещение холла почти всегда тонуло в уютном полумраке. Неудивительно – ведь чтобы его осветить, понадобилось бы, наверное, столько лампочек, сколько птенцов училось в лицее. А смысла в этом особого не было: собраний никаких в холле не проводилось, так что по сути он представлял собой всего лишь торжественную прихожую, из которой можно было попасть в актовый зал, где у них проводились крылатые тренировки.

Когда Артем вернулся домой, в гостиной он, к своему удивлению, увидел маму. Почему-то ему казалось, что срочные дела задержат ее надолго, может даже, до самого вечера.

– О, п-привет, мам, – обрадовался он. – У тебя все в порядке? Что с-случилось?

– Неужели вы были не рады внеплановому уроку по спецкурсу? – устало улыбнулась она.

– Рады, конечно, просто...

Милена Игоревна отложила папку с документами, которую держала в руках, откинулась на спинку диванчика и помассировала виски.

– У меня все в порядке, не переживай. Но пропала моя знакомая из Петербурга вместе с маленькой дочкой. Мы не были близкими подругами, но она каладрий, как и я, поэтому общались довольно часто. Ну и...

Артем не знал, что тут сказать. Честно говоря, он раньше не слышал, что у мамы есть подруга в Санкт-Петербурге, да и вообще не задумывался, что Крылатые поддерживают отношения с теми из своих, у кого одинаковые птицы.

– Целое утро на видеосозвонах. Вопросы, сплошные вопросы... Всю душу вынули.

– А чем ты можешь п-помочь? Мы же так д-далеко живем.

– Ну ты совершенно как тот следователь говоришь, – Милена Игоревна раздраженно всплеснула руками и продолжила противным голосом, явно передразнивая кого-то. – Совершенно не понимаю, чем делу может помочь учительница музыки из захолустного интерната.

Мама помолчала немного и добавила с горечью:

– Человеку я, конечно, сказать не могу, но... Я должна как-то ее почувствовать, понять, что случилось, где они... но у меня ничего не получается. Толку от этих способностей... В Петербургском слете явно рассчитывали на меня, но я абсолютно бесполезна.

Артем неловко дотронулся до маминого плеча. У него никогда толком не получалось выражать сочувствие. Мама поймала его ладонь и благодарно сжала.

– Спасибо, родной. Знаешь, Тем, день, когда я поняла, что ты такой же Крылатый, как я, стал одним из лучших в моей жизни!

– П-почему? – он ревниво прищурился. – Меня об-быкновенного, б-без всяких суперсил, ты любила бы м-меньше?

– Конечно, нет, глупый ты мальчишка! – мама засмеялась, как будто он удачно пошутил. – Я бы любила тебя так же сильно в любом случае. Но теперь мы не просто мать и сын. Теперь мы единомышленники! Мы команда, понимаешь? Знал бы ты, Темка, как тяжело постоянно притворяться не тем, кто ты есть на самом деле. Даже дома, даже с родными и любимыми.

– В-вот кстати, м-мам, давно хотел спросить. П-почему Полукрылые не создают семьи т-только друг с другом? – Артем пожал плечами. – Н-ну, знаешь, чтобы н-не переживать, что ваш будущий ребенок родится н-неКрылатым.

– К сожалению, все не так просто, – Милена Игоревна помрачнела и, встав с диванчика, подошла к окну. Помолчав немного, она добавила: – И потом, сердцу не прикажешь, Тем. Когда ты влюбишься, то поймешь, что я имею в виду. – Она обернулась и бросила хитрый взгляд на сына. – Или ты уже и так в курсе?

Артем сделал вид, что не понял намека. Еще не хватало с мамой девушек обсуждать! Да и не нравился ему никто, что за бред!

– Х-хочешь сказать, если бы... – он осекся, но потом все продолжил: – Если бы отец т-тоже был Полукрылым, а н-не обычным человеком, то гарантий бы все равно н-не было?

– Мы и сами не знаем, от чего это зависит. Но да, ты все верно понял, – мама вздохнула. – Иногда в семьях неКрылатых рождаются дети со способностями. Городской слет старейшин внимательно следит за всеми странными и непонятными происшествиями, чтобы вовремя вмешаться. А иногда наоборот – у двух Полукрылых появляется обычный ребенок. Что уж говорить про смешанные семьи, как у нас. Поэтому я так и волновалась...

Артем вспомнил тот день, когда он узнал о существовании Полукрылых.

Тот день, когда ему впервые удалось погасить свечу.

Сколько он себя помнил, у Милены Игоревны была милая романтическая привычка перед сном зажигать в спальне ароматические свечи. В их волшебном мерцающем свете они с Артемом вместе забирались под одно одеяло и наблюдали, как тени танцуют на стенах и занавесках. По очереди они рассказывали друг другу разные смешные истории или просто строили планы на завтра. А потом мама всегда говорила:

– Ну все, давай спать. Задуеть?

– Не хочу вставать, – обычно ныл разомлевший Тема.

– А ты и не вставай! Представь, что ты волшебник и прикажи свечкам потухнуть. Ну?

– Как же я им прикажу, это же свечи!

– Ну не знаю, – улыбалась мама, – пропой им что-нибудь задувательное.

– Мам, я уже вообще-то взрослый для этих глупостей, – с недовольной гримасой ворчал мальчик, но в глубине души он любил этот их вечерний ритуал. – Ну ладно...

И он для смеха пел какое-нибудь нелепое заклинание, просто чтобы подыграть. Естественно, оно не срабатывало. Мама всякий раз притворно огорчалась, что сын не волшебник, и шла гасить огоньки сама.

Вот так и в тот вечер Артем, дурачась, пропел несколько нот. И тут произошло что-то невероятное! Внезапно одна свеча, мигнув, погасла, а огненные лепестки остальных лихорадочно затрепетали как от резкого порыва ветра, хотя сквозняка в комнате не было. Занавески на окне при этом даже не шелохнулись. Мама, уже поднимавшаяся с кровати, замерла. А потом Артем, толком ничего и не понявший, услышал ее сдавленный всхлип. Он приподнялся и в полумраке разглядел, как она прижала ко рту руку.

Очнувшись от воспоминаний, Артем неловко пробормотал:

– Да, х-хорошо, что н-нам повезло, – и он направился в спальню, на ходу добавив: – Ну л-ладно, мам, я з-зашел только у-учебники положить. Сейчас на обед, а п-потом тренировка. А в-вечером еще с-собирать чемодан.

– Конечно, иди, увидимся позже, а я пока еще посижу... – Милена Игоревна виновато улыбнулась, вернулась на диван и, взяв папку, снова устало склонилась над ней.

Переодевшись в спортивную форму, Артем заторопился в сторону столовой, ведь обед почти закончился. Впрочем, он специально тянул до последнего, лишь бы лишний раз не пересекаться ни с кем из одноклассников. А потом еще и задержался, пока разговаривал с мамой. Увы, ему не повезло – массивная деревянная дверь бывшего кафетерия резко распахнулась прямо перед ним, чуть не врезав по лицу. Из нее, глупо хихикая и держась за руки, вывалились Макс с Мариной.

– Ого, смотри, зай, – притворно удивилась девушка. – Его Величество снизошел из своих царских палат до столовской еды.

– Ага, садитесь жрать, пожалуйста, – Редькин отвесил шутовской поклон. – Там еще немного объедков осталось.

Артем зло прищурился и оценивающе уставился на сладкую парочку. Глаза у обоих блестя, шевелюра Макса была явно более растрепана, чем на культурологии, а губы Прилепиной заметно припухли от поцелуев.

– П-продолжайте обжиматься по углам, – процедил Титов, – и В-виталий Иванович вас самих сожрет за опоздание н-на тренировку.

– Не завидуй, малыш, – Марина потянулась, чтобы сочувственно похлопать Артема по плечу, но тот резко отстранился. – Однажды и тебя кто-то полюбит. Может быть... Если перестанешь быть таким уродом!

Макс хохотнул и, обняв свою девушку за талию, утянул вперед по коридору, не дожидаясь ответа.

Артем и не собирался ничего говорить им вдогонку, но, когда он потянул на себя дверь столовой, его пальцы так сильно сжали витую железную ручку, что металл больно врезался в ладонь.

Внутри ожидаемо оказалось почти пусто. Лишь пара человек доедали свой обед, сидя за дальними столиками у больших скругленных сверху окон. Впрочем, и еды тоже уже практически не было. Как ни печально было признавать, но Макс был прав. Артем подошел к овальному островку с закусками и выскреб себе в тарелку остатки сегодняшнего салата. Вероятно, это был «Цезарь», тот, который с сухариками, но Титов не очень разбирался в кулинарии. В

сторону второго островка – с горячими блюдами – он даже не взглянул. Там наверняка даже выскребать было нечего. Сам виноват.

Пристроив свой нехитрый обед на столик у стены, Артем скинул с плеча рюкзак и приземлился на соседний стул. В небольшой столовой было как обычно прохладно и сумрачно, несмотря на яркое майское солнце, заглядывающее в окна. Толстые стены здания плохо пропускали тепло, и жарким волгоградским летом становились идеальным убежищем от зноя. Зато зимой помещения было не нагреть. Когда в позапрошлом декабре Артем перевелся в лицей, первые несколько месяцев он постоянно кутался в самый теплый свитер, какой у него имелся. Если бы он не боялся выглядеть глупо, то и шарфом сверху обматывался бы.

Одна из длинных энергосберегающих ламп под самым потолком столовой периодически мигала и негромко потрескивала, как будто кто-то невидимый оседлал ее и грыз сушки. Выковыряв размякшие и оттого неприятные сухарики, Титов быстро прикончил салат и открыл одну из двух пластиковых бутылок с водой, захваченных со стойки. В этот момент завибрировал телефон, лежащий на столе рядом с тарелкой, и на экране появился фиолетовый прямоугольник со словами:

«Где тебя, блин, носит?!?!!»

Вообще Афанасьева, которую обычно ставили его партнершей на крылатых тренировках, была ничего, но, когда она начинала терять терпение, восклицательных знаков не жалела. Настя хоть и хихикала над шуточками, которые в его адрес регулярно отпускали Редькин или Прилепина, но после того, как тренер стал ставить их в пару, взяла над Титовым негласное шефство. Возможно, даже тайное. Артема это немного раздражало – вот еще, девчонка командует! Но где-то очень глубоко, так глубоко, что он и сам себе не признавался, ему было приятно, что хоть кто-то из одноклассников проявляет дружеское участие. Пусть даже и с восклицательными знаками.

Артем не стал ничего отвечать, смахнув сообщение. Ничего с ней не случится, подождет еще пару минут. Вместо этого он обновил крылограм, полистал ленту новостей. Других сообщений, кроме неоткрытого от Афанасьевой, у него не было. Как обычно.

Выходя из столовой, Артем взял из холодильника пару пластиковых контейнеров с сэндвичами и положил в рюкзак. Они ему определено пригодятся. После тренировки заварит дома чай, а то до ужина можно и не дотянуть. А еще, не считая, прихватил несколько пакетов с тыквенными семечками из высокой плетеной корзины, всегда, как привратник, стоящей на тумбе справа от выхода.

Такие корзины с тыквенными семечками в лицее стояли во многих классах, в рекреации второго этажа и даже в коридорах жилого крыла. В прошлом году на одном из уроков по спецкурсу Вероника Сергеевна объясняла, что именно семена тыквы очень полезны для Крылатых, а особенно для птенцов. Все дело в каких-то там аминокислотах, и еще, кажется, в высоком содержании то ли фосфора, то ли магния, то ли и того, и другого. Артем точно не запомнил, тогда новая информация обрушивалась на него с сокрушительностью цунами, так что причина важности семечек как-то размылась. Да и ладно, главное, что вкусно, и не одному ему. Лицейсты любовно называли семечки «птичьим кормом» и употребляли их в огромных количествах.

Когда Артем уже спускался по лестнице в холл, телефон снова завибрировал, и на экран вползло очередное окошко крылограма, фирменного фиолетового цвета:

«ТИТОВ!!!!!»

На самом деле приложение называлось «WingsClub», но между собой его называли попростому – «крылограм». Когда Артем только перевелся в лицей, в один из первых дней Никита прислал ему ссылку.

– Добавляйся, чувак, мы в основном там тусуемся. Это приложение только для своих, для Полукрылых. Просто так в «AppStore» его не найти.

После скачивания на экране телефона появилась фиолетовая иконка с изображением крыльев. Сначала он его даже не открывал, просто не понимал, зачем. А потом выяснилось, что ребята из класса практически не пользуются другими соцсетями, разве что для общения со своими неКрылатыми друзьями из прошлой жизни – той, что была до лица – или с родственниками, не подозревающими о существовании Полукрылых.

Крылограм же оказался очень удобным, например, чтобы связаться с кем-то из Крылатых, даже если вы не были лично знакомы. По поиску можно было даже найти странички тех, у кого такие же птицы. А те, кому хотелось что-то спросить или просто пообщаться, могли заходить в тематические комнаты-чаты, под своим именем или скрыв его. Очень скоро Артем оценил все плюсы этого приложения.

– Да я оп-паздываю всего-то н-на пять минут, чего п-панику разводить! – пробормотал он себе под нос, но тем не менее ускорился, перепрыгивая через несколько ступенек за раз.

Войдя в актальный зал, Титов увидел, что ребята сгрудились на сцене, и все как один смотрят куда-то вверх, под самый потолок. Сбросив рюкзак на лавку у стены, Артем подошел и негромко поинтересовался:

– Чего там? Н-на что слетелось в-воронье?

– О, ущербный явился! – не замедлил прокомментировать Макс, даже не оборачиваясь.

– Отвали, – по привычке огрызнулся Артем. Он проследил направление взглядов одноклассников, поднял голову и обомлел.

Из журнала наблюдений за Полукрылыми

Психео – это энергия сильных отрицательных эмоций, которую видят только Полукрылые, и на которую они могут воздействовать с помощью Выпеваний (собирать или расплыть). Концентрируется в местах скопления неКрылатых, а значит, и большого объема отрицательных эмоций: в больницах, на кладбищах, на вокзалах.

В прошлом многие Полукрылые верили, что видят души умерших. И даже считали себя психофорами, то есть проводниками душ на тот свет. Собственно, от этого и произошло название: «психео» на древнегреческом означает «душа».

Обычно психео выглядит как еле заметный полупрозрачно-белый туман на уровне головы или груди. Но при высокой концентрации может также выглядеть, как противного вида грязно-серая масса, висящая неподвижно или медленно плывущая по воздуху.

Глава, в которой птенцы тренируются

Актальный зал в лицее уже давно не выглядел как актальный. Кресла с протертой бархатной обивкой, на которых когда-то сидели зрители, демонтировали и вынесли. Вместо них на пол постелили специальный резиновый линолеум, нанесли разметку, и зал актальный превратился в зал спортивный. Сцена с занавесом, впрочем, осталась, но ей почти не пользовались.

Конечно, на территории лицея был и стадион. В хорошую погоду ученики непременно бегали кросс на свежем воздухе, как обычные школьники. А затем возвращались в помещение и занимались на брусьях и баланс-бордах. Последнему уделялось особенно много времени – у птенцов развивали концентрацию, чувство равновесия, координацию движений.

– В цирковые акробаты г-готовят, что ли! – ворчал Артем, но на самом деле ему нравилось балансировать на доске. Во всяком случае, это у него получалось лучше, чем следующая обязательная часть каждой крылатой тренировки. После баланс-бордов они переходили к задутым свечкам, парящим перьям и бурлящей воде в глубоких тарелках, а в этом году начали понемногу воздействовать на более тяжелые предметы и друг на друга. Как раз для этого Виталий Иванович и разбил их на пары.

Психео в лицее, где было полно Полукрылых и отсутствовали обычные люди, не появлялось, так что потренироваться с чистой энергией получалось очень редко. Иногда ученикам специально устраивали экскурсии в места скопления неКрылатых, а значит и большого объема эмоций: в музеи, на выставки, несколько раз ходили всем классом в кино, а однажды были даже в областной больнице. Там психео оказалось больше всего, и из-за высокой концентрации вместо обычных, еле заметных полупрозрачно-белесых завихрений, оно выглядело как грязно-серые клочки ваты, висевшие то тут, то там, а иногда и вовсе на глазах сливавшееся в облачка покрупнее.

Звуков при этом, конечно же, никаких не было, но воображение Артема живо представляло противный хлюпающий «чпок», с которым и так неприятного вида субстанция объединялась в еще более мерзкие сгустки. Глядя на это собственными глазами, вопрос о том, почему Вероника Сергеевна на спецкурсе называет психео нечистью, не возникало. Чистым оно определенно не выглядело.

Но все-таки основной целью крылатых тренировок было научить птенцов не бояться своих порой неожиданных способностей, уметь их применять, а самое главное – уметь их скрывать. Конечно, ни в какие спецслужбы школьников не готовили. Им не предстояло спасать человечество от злодеев или бороться за мир во всем мире. И даже ежегодные олимпиады ввели в программу больше для развлечения, чтоб не дать подросткам заскучать и придумать себе развлечения самостоятельно. Это, впрочем, все равно не помогало.

Вот и сейчас десятый класс в практически полном составе стоял, уставившись наверх. Там, под самым занавесом, Вихрева пыталась снять с рамы свою кожаную куртку с заклепками, опасно подпрыгивая на шатающейся стремянке.

– К-как она т-туда попала? – пораженно произнес Артем.

– Они с Маринкой поругались, та психанула и закинула ее шмотку наверх, а потом и Песню добавила, чтоб точно зацепилась, – невозмутимо поведал Камиль.

– Д-да я про Эллу...

– А-а-а, она сама залезла. По стремянке. Ты слепой, что ли?

– Так н-нам же з-запрещено туда лазить...

Макс захохотал и прокричал вверх:

– Слышь, Вихрева, шевели батолами. А то тут самый правильный пришел, щас побежит тренеру на тебя жаловаться.

– Никому я н-не с-собираюсь... – раздраженно начал Артем, но его фраза потонула в общем хохоте одноклассников.

Эл повернула голову и бросила вниз недовольный взгляд. На такой высоте не было толком видно, на кого именно она смотрит. Освещение под самым потолком отсутствовало, и верх стремянки, на которой она стояла, утопал в полумраке. Но Артем мог бы поклясться, что ее недовольство было направлено именно на него. Не на скандалистку Прилепину, не на трепло Редькина. Что он такого ей сделал-то?

Артем передернул плечами и демонстративно отошел к лавочке. Достал из рюкзака телефон и уставился в экран, собираясь почитать, пока тренера нет. Но стоило ему перелистнуть пару страниц, как хлопнула дверь, и в зал быстрой пружинящей походкой влетел Виталий Иванович. Он был в своем неизменном сером спортивном костюме, который носил, не снимая, и зимой, и летом. Ну или у него в апартаментах был целый шкаф одинаковых костюмов. Причем ходил тренер в нем везде – и на улице, и в спортзале, и даже в столовую.

Теперь уже все одноклассники неприязненно смотрели на Артема.

– Он реально, что ли, Иванычу написал? – негромко озвучила Тоня общую мысль, написанную на лицах.

Широко размахивая на ходу руками, словно крыльями, тренер подошел к сцене и глазами быстро пересчитал присутствующих. Его высокая долговязая фигура излучала нетерпение, как будто это не он опоздал на занятие, а наоборот – ждал учеников битый час и весьма этим раздражен.

– Все построились и – на выход. Титов, тебе особое приглашение требуется? А где Вихрева?

Лицо Виталия Ивановича украшал крупный греческий нос, похожий на хищный клюв орла. А точнее, сокола, потому что его птицей был турул, знаменитый благодаря старинным легендам венгров. Одной из способностей турулов было как раз безошибочно определять местонахождение утраченного, так что вопрос про Элла был чисто риторическим. Нос-клюв, словно стрелка компаса, качнулся в сторону стремянки, которая в этот момент, как назло, жалобно скрипнула, и учитель перевел взгляд за кулису.

– Это что еще такое?! – гаркнул он. – Вихрева, ты обалдела? Я сколько раз говорил, чтоб не подходили даже к этой рухляди! Сейчас же слезла, и три дополнительных круга по стадиону!

Элла в последний раз подпрыгнула и наконец освободила застрявшую куртку. Под бдительным взглядом учителя она стала спускаться, осторожно и неторопливо, пока Виталий Иванович не решил поторопить остальной класс громким окриком:

– Ну, чего ждем, малохольные? На выход, бегом марш!

Никита первый развернулся и поплелся к двери, а за ним потянулись и остальные. Бегом, конечно, никто не рванул. Даже Артем за полтора года уже привык к манере разговора тренера, немного резкой и нарочито грубой. Несмотря на характер, Виталия Ивановича в лицее любили. Он гонял учеников до седьмого пота, но зато знал возможности и предел сил для каждого, всегда находил правильные слова, если что-то не получалось с первого (или двадцать первого) раза, и был безукоризненно справедлив.

После очередной команды Элла, по-видимому, решила, что понукание тренера и к ней тоже относится. Она ускорила и, когда до поверхности сцены оставалось метра два, стремянка вздрогнула и стала стремительно крениться, заваливаясь. Вихрева вскрикнула, металл заскрежетал по металлу, а Виталий Иванович резко вскинулся и издал низкий горловой полухрип-полувздых. Стремянка замерла, а Эл, не дожидаясь продолжения, спустилась еще на несколько ступенек и затем просто спрыгнула на пол.

Артем никогда прежде не слышал, как другой взрослый Полукрылый, кроме его мамы, выпевает Песнь. Но ему казалось, что Выпевание не зря так называется, а значит, и

правда должно звучать, как красивая музыка. Милена Игоревна, например, мелодично тянула несколько нот, когда в очередной раз лечила его от ангины и заживляла ссадины и порезы.

Вообще-то тот факт, что его мама – каладрий, вызывал в Титове весьма противоречивые чувства. С одной стороны, у него ничего долго не болело. А с другой, прогуливать уроки и сидеть на больничном ему тоже не разрешали. В новом лицее за последние полтора года он пропустил максимум дня три. Да и раньше, в предыдущей школе, выздоравливал от любых болезней в рекордные сроки, приводя школьную медсестру в изумление своим невероятно мощным иммунитетом.

Песнь же Виталия Ивановича и Песнью назвать было сложно. Так, набор звуков, состоящий из карканья и бульканья. Если б Артем не знал о существовании Полукрылых, то решил бы, что тренер просто поперхнулся. Интересно, это его личная особенность или характерно для турулов в целом?

Пока Артем размышлял, а учитель бурчал себе под нос и складывал стремянку, чтобы никому больше не пришло в голову лазить по оборудованию сцены, все одноклассники уже вышли из зала. Элла тоже подходила к двери, зачем-то напялив на себя спасенную куртку. Совершенно непонятно, как она планировала в ней бегать на стадионе – это в принципе не удобно в кожанке, а уж в такую жару можно и тепловой удар получить. Боялась, что ли, выпускать свою прелесть из поля зрения? Глупо. О чем бы они ни поругались с Прилепиной, Маринка уже наверняка отвела душу, порадовавшись дополнительным кругам, назначенными тренером Элле.

Артем и сам не понял, что на него вдруг нашло, но стоило Вихревой потянуть на себя ручку двери, как он ускорился и окликнул одноклассницу:

– П-подожди!

Эл недовольно оглянулась на догоняющего ее одноклассника.

– Ку-куртка вся в п-пыли... – он поравнялся с ней и указал на правый рукав. – Оттряхнуть? Но Элла отодвинулась, не позволяя к себе прикасаться.

– Заняться больше нечем, Титов? Чего тебе от меня надо? Отвали.

– Д-да что с тобой н-не так? – вскипел Артем. – Н-ничего тебе н-не нравится, н-никто не устраивает. Тоже мне, в-ворона в павлиньих пе-перьях! Расслабься, м-мне от т-тебя вообще ничего н-не нужно.

И, толкнув Вихреву плечом, он выскочил из зала первым и от злости со всех сил шарахнул дверью напоследок.

Из журнала наблюдений за Полукрылыми

Известный турул: Виталий Иванович, физрук

Внешний вид: когда окрыляется – серо-коричневые перья (лично не видел).

Мифология: турул – это большая птица, напоминающая сокола, из венгерских легенд. Считается посланником богов, предсказаниям которого беспрекословно верят. Например, именно из-за предсказания турула венгерский народ переселился с Урала на Дунай. Также есть легенда, что во время сражения турул принес терпящему поражение князю Ференцу Ракоци меч, потерянный в битве, и помог победить врагов.

Особая способность: определять местонахождение утраченного

Глава, в которой родственные отношения дают трещину

Утро Артем провел за сборами. В Волгограде в мае уже царил самое настоящее лето. Днем температура доходила до тридцати градусов, поэтому все шеголяли в легкой одежде. В соседних дворах бело-розовым зефиром цвели яблони, а в небольшом сквере, обступавшем лицей, бушевала сирень. А вот в Петербурге еще была весна. Титов проверил прогноз погоды на ближайшую неделю и, вздохнув, упаковал в чемодан теплую толстовку. Потом подумал и добавил еще непромокаемую ветровку с капюшоном – не зря же говорят про постоянный питерский дождь.

Настроение у него с самого утра было отвратительное. А точнее даже со вчерашнего вечера. Артем практически вынуждал себя размышлять о турулах, так как неприятные воспоминания о тренировке еще были свежи, и думать про одноклассников, особенно про кое-кого, со звенящими бусинами в волосах, не хотелось. Лучше уж про учителя и про историю.

Про ветвь Полукрылых, исторической родиной которых была Венгрия, он знал мало. Собственно, только и слышал про их способность находить пропавшее. Если честно, до недавнего времени Титов и про Венгрию толком не знал. Название страны, конечно, слышал, но где она расположена, представлял смутно. Вроде в Европе?.. Но зато помнил, как мама недавно радовалась, что в букинистическом магазине ей удалось найти редкое издание книги «Мифы финно-угров». Милена Игоревна гордо демонстрировала сыну свою добычу – довольно потрепанную темно-синюю книжицу с изображенным на обложке золотым украшением в виде птицы.

– Ф-финно-угры? Это кто? – заинтересовался Артем незнакомым словом.

– В основном предки современных венгров и других народов: финнов, эстонцев, мордвы, удмуртов... – начала перечислять мама, но замолчала, потому что Артем стал хихикать.

– Из-звини, м-мам, слова см-мешные. Эти т-твои угры-огры м-мордатые... – и он, больше не сдерживаясь, захохотал.

Вспомнив про книгу, Артем подошел к шкафу, стоящему у противоположной стены, возле маминой кровати, и поискал глазами темный корешок с сине-золотыми буквами. Книга стояла с краю, и в ней оказалось полным-полно разноцветных стикеров-закладок. Вероятно, мама готовила материал к какому-то уроку.

Артем открыл наугад страницу с зеленым стикером и сразу же попал в десятку – самый первый абзац начинался словами:

«В те далекие времена, когда венгерские племена жили в стране Денту-модьер, жене вождя одного из кланов по имени Эмеше приснился чудесный сон: к ней спустилась с неба птица Турул...».

Интересно, это как-то относится к свойствам Полукрылых-турулов или просто легенда?

Артем фыркнул, представив, как Виталий Иванович является ему во сне и выговаривает за опоздание на тренировку:

– *На завтрашнем занятии три дополнительных круга, Титов! И чтоб не смел больше опаздывать, понятно?*

Открыв следующую страницу с закладкой, Титов прочитал:

«Птица Турул появляется и в другой, намного более поздней легенде, относящейся ко времени венгерской национально-освободительной войны восемнадцатого века. Крылатый посланник богов помогает во время битвы князю Ференцу Ракоци. Тот потерял свой меч и находился в смертельной опасности, окруженный противниками. Но вот с небес на гигантских крыльях спустился Турул и стал бить врагов когтями и клювом. А потом вручил князю чудесный меч, который принес с собой».

Ну это понятно, тут речь как раз шла о способности находить потерянное. Хотя, конечно, с неба ни один Полукрылый не спустится. Даже окрылившись, даже во время лучезарной Песни – летать они все равно не могли. Так что в этой части история явно была сильно приукрашена.

Довольно быстро Артем просмотрел остальные зеленые закладки: упоминание Турула встретилось лишь еще один раз, и тоже про явление легендарной птицы во сне. Затем, уже убирая книгу, он крикнул в открытую дверь:

– Мам, а п-почему для поиска твоей п-подруги из Питера т-турула н-не привлекут? Хотя бы т-того же Виталия Иван-новича н-нашего.

– Я думаю, что в Петербургском слете все варианты испробовали, – отозвалась Милена Игоревна. – Но я уточню, спасибо, Тем. Иди чаю попьем, я как раз чайник вскипятила.

Апартаменты, в которых обитали Титовы, состояли из двух небольших комнат – проходной гостиной и общей спальни. Кухни, конечно же, не было. Все-таки изначально не предполагалось, что в здании дворца культуры будет кто-то жить. Но зато на преподавательском этаже каким-то чудом удалось развести по комнатам воду. Так что Артем, в отличие от одноклассников, умывавшихся в общем санузле, единственном на этаж, имел в своем распоряжении личную душевую. Естественно, такая привилегия не прибавляла ему баллов популярности.

В гостиной один угол мама обустроила себе для работы. «Я пошла в свой кабинет, меня не беспокоить!» – шутила она и усаживалась за узкий стол, открывая ноутбук или проверяя тетради учеников. У противоположной стены стояла этажерка с электрическим чайником и микроволновкой, а на нижней полке за дверками прятался мини-холодильник. Еще одна привилегия Артема, о которой одноклассники, возможно, и не догадывались. Ели они с мамой практически всегда в столовой, но иметь припасы хотелось и дома, на всякий случай. Просто чтобы иметь возможность попить чай в любое время, как сейчас.

В центре комнаты стоял диванчик и перед ним небольшой журнальный столик. Милена Игоревна как раз выставила на него коробку с печеньем и две кружки. Разливая чай, она продолжила начатый разговор:

– И, кстати, наш Виталий Иванович вряд ли поможет, там непросто у них, у турулов. Дальность расстояния имеет значение, эмоциональная привязка, еще что-то. Кто-то из местных нужен, из своих. А ты толстовку положил в чемодан?

– Д-да, мам.

– А зонт? Там по прогнозу погоды обещают дожди.

– Н-нет, мам, – ответил он, уже немного раздраженно, – у меня в-ветровка с капюшоном.

Артем понимал, что мама спрашивает про теплую одежду, потому что беспокоится, но это все равно бесило. Ведь она в любом случае потом проверит, какие вещи он сложил в чемодан. А вопросы сейчас задает, чтобы развивать в нем самостоятельность и сознательность. Она сама как-то раз ему говорила.

Артему часто казалось, что мамина сознательность тоже немного недоразвита. Иначе как объяснить тот факт, что она никак не желала понимать, что ему уже не пять лет, а скоро, между прочим, шестнадцать исполнится. Он не желторотый птенец и вполне в состоянии посмотреть прогноз погоды.

– Ну ладно, не кипятись, сама потом гляну.

Артем закатил глаза и захрустел печеньем. Что и следовало доказать.

– А знаешь анекдот про питерскую погоду? – мама явно пыталась его развеселить и, когда Артем отрицательно покачал головой, продолжила. – В Санкт-Петербурге погода бывает трех видов: грязь, грязь засохла, и грязь замерзла.

– П-прекрасный город! – фыркнул Артем.

– Точно, – мама улыбнулась и словно невзначай вбросила бомбу. – Кстати, насчет соревнований, я договорилась с директором, что еду с вами!

От неожиданной «чудесной» новости Артем подавился печеньем и закашлялся.

– К-как с нами? З-з-зачем?

Он скривился, представив, как будут издеваться над ним одноклассники, когда об этом узнают.

– В основном из-за пропавшей Алены, конечно. Хочу попробовать на месте еще ее поискать. Но заодно и Антону Сергеевичу помогу за вами присмотреть.

– Д-да что т-ты м-можешь сделать-то? Хоть т-тут, хоть т-там... – от негодования Артем даже стал сильнее заикаться. – С-сама же г-говорила, что твоих сил н-не хватает н-на такое. А реб-бята в к-классе решат, что т-ты из-за м-меня едешь.

– Да что с тобой, Тема?! – Милена Игоревна с недоумением и тревогой посмотрела на сына. – Люди пропали! Как ты можешь думать только о себе? Я должна попробовать. Вдруг хоть какая ниточка...

– Н-ну ясно, – издевательски процедил он и со стуком поставил чашку на столик. – Н-незнакомые люди, п-про кот-торых я с-слышу первый раз в ж-жизни – эт-то с-супер в-важно! В-важнее, чем я!

Его злость набирала обороты, и последнюю фразу Титов практически выкрикнул.

– Конечно, не важнее! Но это вообще не повод для сравнения...

Кипя от возмущения и раздражения, Артем не стал дослушивать, что говорила мама.

– З-знаешь что... – он вскочил с дивана и задел коленом столик. Тот пошатнулся так, что чайные ложки в кружках задребезжали. Глядя на нахмуренное лицо матери, мальчик желчно добавил: – Если т-тебе н-настолько н-на меня плевать, то я вообще н-не хочу разговаривать!

Сначала он скрылся в комнате, но затем, подумав, что мама и там не оставит его в покое, демонстративно прошагал через гостиную, молча и не глядя по сторонам, и вышел, громко хлопнув дверью напоследок.

Погруженный в свои нерадостные мысли, Артем и сам не заметил, как спустился на этаж ниже. Смысл в этом определенно имелся, автопилот сработал верно. На учительском этаже можно было кого-нибудь встретить, а настроение у него сейчас совсем не располагало к вежливым улыбкам и пожеланиям хорошего дня. А вот на втором этаже, там, где располагались комнаты птенцов, сегодня наверняка никого нет. Суббота, большинство учеников разъехались по домам. А те, кто остался, скорее всего загорают на улице в такую-то солнечную погоду. Он и сам бы с удовольствием пошел прогуляться, чтобы проветрить голову и остыть. Но об этом надо было думать раньше, когда он выходил из апартаментов в домашних тапочках. Возвращаться и переобуваться теперь казалось унижительным.

Артем медленно брел по пустому этажу, размышляя, куда ему дальше направиться. Перебирая в голове укромные уголки лица, где можно спокойно посидеть и почитать с телефона, он внезапно услышал странные звуки. Приглушенный то ли всхлип, то ли стон сменился чем-то похожим на неразборчивое бормотанье. Шум раздавался из женского туалета для учеников, совмещенного с душевой. Титов осторожно подошел к приоткрытой двери, стараясь не топтать, и прислушался. Внутри явно кто-то был, и этот кто-то – вернее эта – то ли плакала, то ли злилась, то ли разговаривала сама с собой. А возможно, все вместе. Артем хотел уже развернуться и уйти – ему и своих проблем достаточно – но тут внутри что-то лязгнуло. Словно железом по железу ударили. Любопытство пересилило нежелание вникать в чужие горести, и он потянул дверь на себя.

Из журнала наблюдений за Полукрылыми

Известная гарпия:???

Внешний вид: всегда женского пола. Серебристые металлические пряди в волосах. Когда окрыляется, оперение – серебряное, как ртуть. На висках за ушами – гребни.

Мифология: полуженщины-полуптицы из древнегреческих мифов отвратительного вида с крыльями и лапами грифа, с длинными острыми когтями, но с головой и женской грудью. Похищают детей и человеческие души.

Особая способность: насыляет тоску, неуверенность в себе, отчаяние

Глава, в которой тайна становится явной

Солнечные лучи сияющими стрелами пронзали оконное стекло и били в глаза. На мгновение ослепнув, Артем смог разглядеть только девичий силуэт, но что-то в движении головы, повернувшейся на звук открывающейся двери, показалось ему знакомым. Впрочем, голос, раздавшийся через секунду, сразу же разрешил загадку.

– Чего ты здесь забыл? – рявкнула Элла, привычным жестом смахивая челку с лица. Или она вытерла глаза тыльной стороной ладони?

Кто бы сомневался – внутри оказалась его одноклассница, Вихрева. Из всех птенцов, учившихся на полном пансионе, он наткнулся именно на нее. Везет, как утопленнику!

Девушка явно не обрадовалась, увидев его. А еще Артему показалось, что глаза у нее слегка покрасневшие, как будто заплаканные... Да нет, не может быть. Такие, как Элла, не плачут в туалете. Наверное, солнце шутит шутки. Но потом Титов перевел взгляд на пол и так удивился открывшемуся зрелищу, что все мысли про опухшие веки психованной Вихревой вылетели у него из головы. Он даже не отреагировал на грубый вопрос. Просто стоял в дверях и, разинув рот, смотрел на... отстриженные волосы, рассыпанные по голубому кафелю пола. А самое странное – как будто филиала парикмахерской в туалете мало – среди них яркими блестящими мазками выделялись серебряные всполохи. Они сверкали и переливались в солнечных лучах, как маленькие рыбки, выброшенные на берег.

– Т-ты что, с-сама себя с-стрижешь? – Артем шагнул внутрь и присел на корточки, разглядывая темные пряди, словно облитые тонкими струйками ртути. – З-зачем?

– Не твое дело! Проваливай отсюда!

Вихрева дернула ногой и сгребла волосы под раковину, к другим таким же отрезанным прядям. Но он успел выхватить несколько серебристых волосков.

– А это что т-такое?

На ощупь волосы напоминали струны. Такие же жесткие, прямые и... металлические.

– Что з-за фигня? – повторил Артем, уставившись на одноклассницу снизу-вверх. – У т-тебя что, серебро из г-головой растет? Ты поэтому вся б-бусинами обвешалась, чтоб з-замаскировать, что з-звенишь на ходу?

Элла раздраженно взмахнула рукой. Раздался резкий звук, Титов от неожиданности дернулся и чуть не завалился на спину, потеряв равновесие. Ножницы. Это они лязгнули, когда Эл швырнула их в раковину. Артем понял, что именно этот звук и привлек его внимание в коридоре.

Титов осторожно встал, не спуская с одноклассницы глаз. Кто ее знает, эту психованную? Ему совсем не хотелось, чтобы в следующий раз ножницы прилетели ему в лоб. Конечно, красивый шрам в стиле Гарри Поттера – это прикольно... Но нет, все равно не хотелось!

Элла смотрела на него исподлобья, сжав кулаки, явно собираясь ответить в своем обычном стиле. Наорать, психануть, обругать. Но затем как будто сдулась. Злость во взгляде потухла, плечи поникли, и боевой вид сменился усталой обреченностью. Вихрева отвернулась к зеркалу и со вздохом посмотрела на себя.

– Если бы серебро... Можно было бы хоть продавать. Не, это вроде какой-то сплав алюминия.

Она вновь взяла из раковины ножницы и завела руку с ними за голову, примеряясь к очередной пряди. В голове у Артема промелькнули разные варианты, один фантастичней другого, от радиоактивного паука до криптонита. Но очевидное по-прежнему от него ускользало.

– Эл, ты что, м-мутант?

– Ну ты и придурок, Титов, – горько ответила одноклассница. – Я такой же мутант, как и ты. Мы, Полукрылые, все мутанты, никогда не задумывался об этом?

Полукрылые, точно! Артема осенило! Несмотря на то, что ему уже полтора года было известно о существовании Крылатых, он так и не смог начать относиться к этому, как к чему-то обыденному, повседневному. Казалось, что нормальная жизнь по-прежнему там – в книгах, в кино, в интернете, где никто не в курсе про Полукрылых. Даже слова такого не знает!

– Т-так это что же? Т-твоя птица п-проявилась? В-вот это да! Классно! А д-давно? А почему никто н-не знает? И кто ты? – на Элли посыпался град вопросов, и она поморщилась.

– Проявилась, чтоб ее... Гарпия проклятая! Ненавижу! – и Вихрева стукнула кулаком по краю раковины.

Артем оторопел. Их одноклассники жутко завидовали Никите из-за того, что он уже знал свою птицу. Пусть даже и не умел пока использовать свои способности в полной мере, как взрослый Полукрылый. Но главное, он знал! А Вихрева, мягко говоря, совсем не рада. Просто не укладывалось в голове!

– Н-но... как же т-так? – неуверенно проговорил Артем. – Птица – это в-ведь классно! Тем б-более гарпия... Или н-нет?

Он перебирал в голове все, что знал про этих древнегреческих крылатых бестий из мифов. Злобные похитительницы детей и человеческих душ, налетающие быстро, как вихрь, и столь же стремительно исчезающие. Считалось, что они появляются в грозу и ураган и хватают добычу своими железными когтями. Да уж, милашками их не назовешь! Как, впрочем, и саму Элли... Ха, так может именно из-за птицы у нее такой вредный характер?

– А что м-могут гарпии? Н-ну кроме всего т-того, что и д-другие Полукрылые.

Вихрева провела пальцами по краю раковины, стряхивая налипшие волоски, и на выдохе протянула-простонала что-то вроде «охо-хоооо». Она выглядела такой несчастной, что на Артема вдруг накатило резкое чувство вины. И чего он пристал к человеку? Видно же, что эта тема ей неприятна. Наверняка, есть какие-то причины, но не обо всем ведь можно рассказать. Да и не друзья они, чтоб таким сокровенным делиться.

С ней нет, а с кем друзья?... Затаенная, тщательно скрываемая даже от самого себя тоска нахлынула как волна. Серо-ледяная, пенисто-грязная. Что сбивает с ног и не дает встать, заставляет барахтаться в мутной жиже. Как же, оказывается, он мечтал, что хотя бы в новом лице сможет почувствовать себя на своем месте. С такими же, как и он, Крылатыми. Но выяснилось, что не имеет значения, Полукрылый ты или обычный человек. Школа, она и есть школа. Везде одно и то же... Звезды и лузеры. Всеобщие любимчики и одиночки.

– Сами по себе отчаяние, горе, страдание безвредны, это всего лишь эмоции, – внезапно произнесла Элла. – Но человек, которого насильно погрузили в их пучину, перестает мыслить здраво. Он становится неадекватен и может сделать, что угодно. С собой и с окружающими. Понял?

Вихрева уставилась на него с непроницаемым выражением лица.

– П-понял что? – Артем потерялся в своих тоскливых мыслях и утратил нить разговора.

Одноклассница вздохнула. И в этом звуке слышалась усталость взрослого, который битый час объясняет ребенку прописную истину.

– У меня мама в больнице лежит, в коме. Передозировка лекарством...

– Сочувствую, – пробормотал Титов, окончательно сбитый с толку очередной резкой смежной темой.

Но Элла словно и не заметила его слов. Ее отсутствующий взгляд был направлен куда-то поверх его плеча, но видела она перед собой явно не светло-коричневую дверь душевой.

– Она всегда была такая веселая, такая жизнерадостная. Мы постоянно хохотали с ней как сумасшедшие. А потом у меня этот чертов алюминий из башки полез. Связь с космосом, блин! Сначала просто некоторые пряди немного серебриться начали, толком и незаметно было. А маму словно подменили. Она стала вести себя, словно чужая. Когда думала, что я не замечаю, оглядывалась на меня с тоской и каким-то отчаянием. Я не понимала, в чем дело. Что я сделала

не так? Почему она смотрит на меня, как на постороннего человека? Почему старается не дотрагиваться, а если все же прикоснется, то морщится? А однажды я вернулась из школы, думала, что она прилегла отдохнуть... а она все спит и спит... и не просыпается.

Эл замолчала, и в туалете повисла тишина. Не было понятно, закончила ли она свой рассказ или просто задумалась, погрузившись в воспоминания.

– М-м-м... – протянул Артем, не зная, как реагировать на такую кошмарно откровенную историю.

Вихрева вздрогнула, очнувшись, и завершила свой монолог:

– Короче, скорая маму увезла, и она до сих пор не пришла в себя. А про Полукрылых я вообще случайно узнала. Когда отцу позвонила, чтобы про маму рассказать. Он медик, думала, может помочь чем-то... Он и помог. Просветил меня про гарпий и про всю эту хрень насчет Крылатых.

До Титова наконец дошло.

– Так это т-твоя птица на м-маму п-повлияла?

– Ага. Довела ее до нервного срыва, сволочь древнегреческая.

– А к-как же она?..

Тут Артем вспомнил резко нахлынувшую на него вину и внезапную тоску, раздирающую сердце. Такие сильные чувства, неуместные и как будто бы даже чужеродные. Словно кто-то специально заставил его ощущать то, чего на самом деле не было. Ну ладно. Было, но не настолько уж все и плохо.

– Т-ты сейчас и со м-мной?..

– Точно, только тогда я сама ничего не понимала и не могла контролировать. Так что мама...

Внезапно она опять замолчала, лицо ее некрасиво скривилось, а глаза влажно заблестели. Мгновение, и по щекам потекли слезы, а Элла всхлипнула и уткнулась в ладони. Артем, как обычно, почувствовал себя не в своей тарелке, тем более после того, о чем она только что ему рассказала. Надо бы утешить ее, но как? Не обниматься же! Еще подумает чего... Он протянул руку, чтобы дотронуться до плеча, подумал и опустил. Все это было очень неловко.

– У м-меня тоже с м-мамой проблемы, – наконец проговорил Титов, отворачиваясь и подходя к окну.

За стеклом виднелось пронзительное синее небо и кусок ржавого забора за деревьями. Куст смородины, весь усыпанный мелкими желтыми цветочками, словно торт – кондитерской посыпкой, внезапно колыхнулся и взорвался целой стаей воробьев. Серо-коричневые птахи, как туча мошкар, зависли над тонкими веточками, раздумывая, вернуться в укромную прохладу куста или поискать убежище понадежнее.

Артем вытянул шею и увидел, что их так взбудоражило. В траве, прямо под окном, изо всех сил пытаюсь слиться с местностью, распластался кот. Но его хвост, азартно хлещущий по сторонам, жил своей жизнью и выдавал позицию хозяина. Предатель! Прямо как у людей... Вот знаешь, что так делать не нужно, а все равно делаешь. И ничего с собой поделаться не можешь.

– Она м-меня просто выводит своими п-придирками, – продолжил Артем. – Т-такое ощущение, что она считает м-меня тупым или что-то вроде того. Все время проверяет, н-напоминает, с советами своими д-дурацкими лезет. Как будто я их спрашивал! Вот с-сейчас тоже. Представляешь, собралась с н-нашим классом в Питер ехать н-на олимпиаду. Конечно, говорит, что по своим д-делам, но я-то понимаю, что будет м-меня контролировать.

Элла перестала всхлипывать и недоверчиво уставилась на одноклассника.

– Титов, ты вообще нормальный? Я тебе душу открыла, а ты? Рассказываешь, как с мамой поругался из-за какой-то фигни?

– Я п-просто п-пытаюсь тебя отвлечь, – смутился Артем. – Не знаю, что тут м-можно сказать.

– Ясно, – Вихрева вытерла ладонями щеки и отвернулась к зеркалу. Она явно стеснялась того, что вообще подняла эту тему и рассказала про свои проблемы.

– Так, эээ... – Артем кашлянул. – Ты из-за этого скрываешь п-про птицу? Из-за т-того, что произошло? И в-волосы состригаешь тоже?

– Да, не хочу, чтобы кто-то узнал.

– И даже учителя н-не в курсе? – изумленно переспросил Титов.

– Не в курсе! Я вполсилы все на крылатых тренировках делаю, чтоб не спалиться. И если ты хоть слово скажешь своей матери... – Элла угрожающе прищурилась и посмотрела на него через зеркало.

– Не собираюсь я н-никому говорить! – возмутился Артем. – За кого ты м-меня принимаешь? П-поменьше слушай тот бред, который н-несут Прилепина с Редькиным.

– А чего они, кстати, до тебя докапываются? Я думала, что...

– Н-не знаю, у них спроси, – буркнул он в ответ. – Индюк тоже думал, да в суп попал.

Элла хмыкнула. Титов подозрительно посмотрел на одноклассницу, но та уже отвернулась и как ни в чем не бывало водила по полу ногой, подгребая срезанные волосы в одну кучку.

– А хочешь... хочешь, я тебе п-помогу сзади ровно п-подстричь? – решил предложить Артем.

Эл с сомнением взглянула на него и протянула:

– Ну давай, только ровно не надо. А то весь имидж испортишь.

– А как тогда?

– Чтоб круто было. Там чикни, тут чикни, ну знаешь... как в тиктоке, – она неопределенно помахала перед собой руками и вопросительно взглянула на одноклассника. – Понял?

– Э-э-э... – промямлил Артем, – ну типа п-понял. Как будто бы.

Стоило ему взять ножницы, и вся решимость мигом испарилась. Подстричь ровно он бы смог, но чтоб круто... да еще и выстригая металлические волоски один за одним... и зачем только предложил?

Артем замер за спиной у Эллы, сверля взглядом ее затылок.

– Ну? – поторопила она его. – Жги!

Он протянул руку и несмело дотронулся до волос девушки, пропустил прядь между пальцами, пытаясь перехватить поудобнее. От Вихревой пахло чем-то по-весеннему цветочным. Артем внезапно смутился, осознав, как близко он к ней стоит и практически гладит одноклассницу по голове. Жар бросился ему в лицо, он был практически уверен, что на скулах выступил румянец. По идее Элле не было видно его в зеркале, но на всякий случай он склонился ближе к ее затылку и, затаив дыхание, поднял ножницы.

Спустя пятнадцать минут Артем отступил на пару шагов и с восторгом рассматривал, что у него получилось:

– Ух ты! Ты в-выглядишь просто к-кошмарно! Ой, н-ну в смысле...

– Да я поняла, – Эл дернула плечом, но было видно, что и ей нравится. – Спасибо!

Она замолчала, пристально глядя на него через зеркало, и Артем не мог понять, чувствовала ли она в процессе стрижки ту же неловкость, что и он.

– Ну ладно, м-мне пора, – пробормотал Титов, аккуратно кладя ножницы на край раковины. – Н-надо еще вещи до конца собрать. Тогда... м-м-м... до встречи?

Эл кивнула:

– Увидимся вечером в поезде!

Часть 2. Друзья и враги

Из журнала наблюдений за Полукрылыми

Лучезарная Песнь – высшее проявление особой способности Полукрылого, которое редко применяется из-за огромной траты энергии в процессе. Если не рассчитать силы, то в ходе выпевания Лучезарной Песни организм Полукрылого настолько истощается, что его тело физически стареет. Со временем Полукрылый может вернуться к прежнему состоянию (вновь помолодеть до своего реального возраста), но для этого необходимо ограничить использование способностей и не подвергаться никаким стрессам.

Полукрылый считается «совершеннолетним» (выходит из возраста птенца) после того, как освоит мелодию Лучезарной Песни и продемонстрирует это на слете старейшин.

Глава, в которой вопросов больше, чем ответов

В полупустой белизне комнаты пахло по-больничному стерильно. Кварцевая лампа в углу старательно гудела, и от нее расходился запах озона. На кровати лежала женщина, опутанная проводами. Бледные тонкие руки безжизненно покоились поверх простыни. Кислородная маска почти скрывала заострившиеся восковые черты лица.

У больной имелась компания – вторая женщина без сил откинулась на спинку кресла, придвинутого к кровати. Ее моложавое округлое лицо также покрывала мертвенная бледность, на лбу выступили бисеринки пота. Светлые вьющиеся волосы были стянуты в небрежный низкий хвост.

Экран телевизора, прежде молчаливо темнеющий на стене, внезапно ожил. На нем открылось окно видеосвязи, но звонивший свою камеру не включил. Вместо живого собеседника программа показала стандартную заставку: серый силуэт человечка на синем фоне. Зато квадратик в правом нижнем углу демонстрировал палату и ее обитателей – благодаря камере, висевшей в углу под потолком.

– Алена Петровна, добрый день. Как успехи? – приятный мужской голос резко нарушил тишину палаты.

Женщина в кресле вздрогнула, но глаза не открыла и поворачиваться к экрану не стала. Уже знала, что никого там не увидит.

– По-прежнему. Изменений нет и быть не может, хоть я и перепробовала все, что умею.

– Как же так? Мне говорили, что такие, как вы, могут победить любую болезнь.

– Вы не понимаете. Болезнь – да, но не вернуть же с того света?

– Возможно, я действительно не понимаю. Но мне все же кажется, что вы недостаточно стараетесь. Впрочем, я придумал, что нам поможет установить более тесное сотрудничество. Посмотрите, пожалуйста, небольшое видео.

Монитор мигнул, и изображение сменилось. Теперь вместо безликой заставки телевизор показывал девочку лет пяти-шести. Она забилась в угол кровати и со страхом смотрела вправо.

– Аня? – неверяще прошептала женщина и прижала руки к груди. – Аня! Господи, да что же вы за люди такие! Она же совсем ребенок. Она ничего не знает о том, кто я...

За кадром раздался новый мужской голос, и обращался он к девочке:

– Эй, малышка, смотри сюда. Я включил камеру, так что, если хочешь поскорее домой, тебе нужно сказать своей мамочке, чтобы она сделала все, что от нее требуется. Поняла?

– Не буду я ничего говорить, – малышка сжалась в комок и опустила голову между коленей.

В кадр шагнул незнакомец и попытался подтянуть ее ближе, развернуть лицом к камере.

– Убери от меня свои вонючие лапы, – завизжал ребенок, отбиваясь от него руками и ногами.

Внезапно мужчина вскрикнул и отвесил девочке оплеуху, от чего ее голова мотнулась на шее, как у тряпичной куклы.

– Ах ты паршивка! Кусаться вздумала...

Картинка замерла и уменьшилась, на первый план опять выдвинулась безликая стандартная иконка. По щекам женщины катились слезы.

– Пока с вашей дочерью все в порядке, но не заставляйте меня отдавать другие распоряжения, – вновь произнес прежний мужской голос, но без прежней обходительности. Теперь он звучал холодно и отстраненно.

– Хорошо, – еле слышно произнесла она. – Я попробую снова.

– Пробуйте, Алена Петровна. И, пожалуйста, не пытайтесь больше применять к охраннику ваши штучки, он вас все равно не слышит. Лучше направьте силы на дело.

Экран погас, завершая сеанс связи. Вновь оказавшись в тишине палаты, наедине с больной, пленница села на край кресла и повела плечами, сбрасывая накинутый кардиган. Посидела некоторое время, словно собираясь с силами, а затем выпрямила спину и глубоко вздохнула. На выдохе она начала напевать тихую неуловимую мелодию без слов. Песнь постепенно набирала глубину и мощь, женщина покачивалась в такт, а затем откинула голову и развела полные руки, будто пытаясь обнять всю комнату.

Внезапно ее пальцы скрючились, словно их свела судорога. А затем аккуратно подстриженные ногти заострились и почернели, вытягиваясь, костенея, превращаясь в птичьи когти. Кожа по всей длине рук взбугрилась, и вспарывая ее, наружу устремились перья, полупрозрачные, как льдинки, острые даже на вид. Они удлинились и уплотнились на глазах, пока не заслонили собой кожу и не окрасились в цвет свежеевыпавшего снега.

Ее уже не совсем человеческая фигура начала светиться, сначала еле заметно, потом сильнее и сильнее, пульсируя в едином ритме с нарастающим темпом Песни. Совсем скоро вместо певицы остался лишь силуэт, слепящий ярче солнца в летний полдень. Когда мелодия достигла своей кульминации, на спине у сияющего существа во всю ширину комнаты распахнулись два огромных лучезарных крыла.

Аппаратура, к которой была подключена больная, словно сошла с ума. Все приборы беспорядочно мигали огоньками, как новогодняя гирлянда, и издавали противный настойчивый писк. Лишь одна небольшая черная коробочка, сиротливо пристроенная с самого края, не разделяла общего безумия. До недавнего времени она вовсе не подавала признаков жизни, но при первых же звуках Песни – словно пробудилась от спячки. На фронтальной панели зажегся красный индикатор, похожий на глаз циклопа. Прибор тихо зажужжал, довольно заурчал, как сытый зверь. Мигнув, лампочка поменяла цвет с красного на оранжевый.

Когда Песнь затихла, а сияние померкло, Алена Петровна вновь стала самой собой и без сил откинулась на спинку кресла. Теперь лицо ее бороздили глубокие морщины, а прежде пышное тело словно уменьшилось, иссохло, утонуло в свободной одежде, внезапно ставшей на несколько размеров больше.

На кресле в беспомощности полулежала старуха.

Из журнала наблюдений за полукрылыми

Известный дапэн-ниао:?

Внешний вид: когда окрыляется, оперение красное с золотым переливом (говорили на спецкурсе)

Мифология: гигантский китайский феникс, который является только в мирные времена и в преддверии великих перемен. Способен издать любой звук, существующий на свете. Символизирует людей, достигших совершенства в каком-то деле, и сами шедевры, сотворенные их руками.

Особая способность: безусловная удача во всех начинаниях, может подправить обстоятельства в свою пользу, а также передать частичку удачи другому.

Глава, в которой поезд мерно покачивается и убаюкивает

Когда Титовы прибыли на вокзал, уже темнело. Поздний вечер плавно переходил в раннюю ночь, на перроне зажглись фонари. Школьников было заметно издалека, галдящая группа привлекала внимание других пассажиров. Кто-то настороженно обходил их и, выдохнув с облегчением, двигался дальше. Кто-то протягивал билет проводнику, стоящему у дверей четвертого вагона, и при этом неодобрительно косился на возбужденных подростков.

Конечно же, тот факт, что учительница культурологии прибыла на перрон с чемоданом, не укрылся от внимания общественности. Артему так и не удалось отговорить ее ехать в Санкт-Петербург, так что остаток дня мать и сын провели в напряженном молчании. Сам Артем демонстративно старался ни о чем не спрашивать, на вопросы же отвечал кратко и с каменным лицом.

– Отличные новости, народ! Милена Игоревна едет с нами! – воодушевленно объявил Антон Сергеевич, расплывшись в улыбке. И добавил в сторону коллеги: – У меня появился шанс не сойти с ума.

Та понимающе улыбнулась, и они начали о чем-то тихо переговариваться, отойдя немного в сторону от общей группы школьников и провожающих. А Прилепина и Редькин тем временем обменялись торжествующими ухмылками.

– Что, не отпустили тебя одного, товарищ? – Макс по-приятельски хлопнул Артема по спине.

– Г-гусь свинье н-не товарищ! – огрызнулся Титов и дернул плечом. Настроение и так было хуже некуда, тем более, он отчетливо понимал, что под видом дружеского добродушия одноклассник маскирует издевку.

Наконец все птенцы собрались, смущаясь, наспех обнялись с провожающими их родителями и загрузились в поезд. Весь класс разместился в двух соседних купе в плацкарте. Антон Сергеевич и мама Артема заняли боковые места одного отсека, а во втором на нижней полке ехала пожилая незнакомка.

У позднего отправления был один большой плюс – почти сразу же приходилось ложиться спать. У десятиклассников, полных нерастроченной энергии, не было времени на то, чтобы устроить в вагоне полноценный бедлам. Проводник раздал постельное белье, и все закопошились, разбирая матрасы и подушки, встряхивая и расстилая простыни. Мимо парней в сторону купе проводника прошла Прилепина. Возвращаясь обратно, она притормозила, чтобы пошептаться с Максом, а потом не упустила случая тоже подколоть Артема – удивленно распахнула глаза и негромко поинтересовалась:

– У тебя что, Тем, отдельное место? Молодец! Как взрослый.

Редькин, конечно, фыркнул, оценив шутку, но Артем сделал вид, что не слышал ее слов, и продолжил сосредоточенно натягивать наволочку на подушку. Такая целеустремленность дала плоды, и он первым забрался на свою верхнюю полку. Улегся на живот, обняв подушку, и уставился в окно на удаляющиеся огни Волгограда. Снизу раздался приглушенный голос Максима:

– Титов! Эй, Титов!

– Н-ну? Чего т-тебе еще?

– Тебе одеялко подоткнуть? В лобик поцеловать?

– Как же ты д-достал уже! – вспыхнул Артем, но развить тему ему не дали.

– Меня поцелуй, – неожиданно пропищал Камиль детским голосочком, – а то не усну.

Парни захохотали на полвагона, и даже Артем, пытавшийся не реагировать на подколы, приснул от смеха. Пожилая соседка, которая уже накрылась простыней и демонстративно улеглась лицом к стенке, повернулась и неодобрительно проворчала:

– Нельзя ли потише, молодые люди?

Из-за перегородки выглянул Антон Сергеевич:

– Что тут у вас? Сейчас свет погасят, минут через пять. Так что шустрее. И не шумите!

Действительно, очень скоро верхнее освещение выключили, и по вагону разлился тусклый персиково-желтый свет. Почти все пассажиры уже улеглись. То там, то здесь раздавались негромкие голоса и шепотки. Кто-то закашлялся. Артем еще некоторое время смотрел в окно в надежде, что мерное покачивание поезда и мелькание пейзажа его укачают, но сон все не шел.

Голова гудела от мыслей, как растревоженный улей. То он злился на маму и заново перебирал в голове все, что ей наговорил. То придумывал другие аргументы, которые могли бы убедить ее остаться в Волгограде. Это неожиданное решение поехать в Петербург было каким-то странным и не давало ему покоя. Дело даже не в том, что о нем подумают одноклассники. Все равно хуже, чем уже есть, не станет. Поприкалываются и успокоятся, другие темы себе найдут для веселья. Но ведь у мамы очень плотный рабочий график: только в лицее она одна вела и культурологию, и музыку. А еще и давала частные уроки, которые пришлось перенести, как минимум, на неделю. Милена Игоревна очень ответственно относилась к своей работе, да и финансовый вопрос никто не отменял. А тут раз – и сорвалась в другой город, и все ради призрачной возможности помочь с поисками человека, про которого Артем за всю свою жизнь вообще ни разу не слышал. Странно это как-то. Непохоже на нее...

На соседней верхней полке начал похрапывать Черниченко. Вот у кого точно не было проблем со сном! Интересно, каково это – знать, что ты бореад? Ник уверял, что никакой особой связи со своей птицей не ощущает. Она не стала мысленно разговаривать с ним, или что-то в этом роде. В целом важность «проявления птицы» была, судя по всему, сильно преувеличена. Как и вообще вся эта история с суперспособностями Полукрылых...

Когда мама рассказала ему... ну точнее, когда он наконец поверил, что она над ним не издевается, то решил, что теперь его жизнь потечет по совершенно другому руслу. Он представлял себе, как будет учиться в лицее с другими Полукрылыми, и это будет место, одновременно похожее на школу профессора Ксавьера и замок Хогвартс. А оказалось, что все намного прозаичнее. Конечно, большинство птенцов ни за что в жизни бы не согласились вернуть все как было. Но имелись и те, кому существование Полукрылых и принадлежность к ним вовсе не казались чудесной сказкой. Вот Вихрева, например...

Мысли Артема перескочили от синеволосого одноклассника к Элле, чью тайну он сегодня случайно узнал. Ужасная ситуация, конечно. Прийти домой и обнаружить собственную маму в таком состоянии. Но еще ужаснее то, что стало причиной. Неудивительно, что Вихрева – такая заноза.

«Хоть и очень симпатичная», – внезапно сам себе признался Артем и улыбнулся уголками губ, вспомнив, как перебирал ее волосы.

Но, с другой стороны, это очень глупо – винить в произошедшем собственную птицу. Полукрылые не выбирают, обладателями каких способностей станут. Как сказала Вероника Сергеевна, птица не появляется из ниоткуда, вы уже такие, какие есть. Другой вопрос, почему отец Эл не предотвратил эту ситуацию? Почему пустил все на самотек?

Поезд все так же равномерно покачивался, набирая ход. Гипнотический стук колес незаметно делал свое дело, и Артем сам не заметил, как отключился. Во сне ему казалось, что он плывет на лодке по бескрайнему морю. Синева простиралась во все стороны, и лишь на горизонте плавно переходила в небесную лазурь. Чувство безысходности и одиночества навалилось на него с невероятной силой. Он был совершенно один посреди всей этой нескончаемой воды и не понимал, что делать дальше, куда плыть. Да и стоит ли пытаться? Ему все равно не хватит сил догрести до берега. Вот если бы он умел летать...

Волны с шипением и негромким стуком накатывались на борта, ветер подхватывал соленые брызги и бросал в лицо. Солнце палило нещадно, и Артем наклонился к воде, чтобы смо-

чить горящую кожу. По отражению прошла рябь, и в следующую секунду он увидел, как черты его лица начали заостряться. Нос превратился в клюв, а уши втянулись и стали почти незаметны. Непослушные русые волосы отрастали на глазах, тяжелели и обретали цвет – яркий, с огненными оранжевыми всполохами. Мир вокруг вдруг залило теплым заревом, и, подняв голову, Артем увидел, как вокруг пламенеющим багрянцем полыхнул закат, который противоречил всем законам природы, ведь солнце только что стояло в зените. Парень-птица встал в покачнувшейся лодке, расправил руки-крылья и, оттолкнувшись изо всех сил, взлетел.

Из журнала наблюдений за Полукрылыми

Известный алконост: Алевтина Степановна

Внешний вид: ? (пока не нашел информации)

Мифология: это райская птица с головой и руками девы, которая обитает в славянском раю, Ирие. Пение алконоста настолько прекрасно, что услышавший его забывает обо всем на свете.

Особая способность: внушать нужные мысли, ставить запреты произносить определенные слова, рассеивать внимание, отвлекать.

Глава, в которой не птица красит человека, а человек птицу

Как известно, в поезде долго не поспишь. Так что ничего удивительного, что следующий день начался рано. Вот только, ко всему прочему, начался он с шелеста разворачиваемой фольги и с запаха копченой колбаски. Артем, не открывая глаз, принялся. Да, действительно, колбаса! Или бекон? Он повернулся на бок и посмотрел вниз. Их соседка по купе уже успела раздобыть у проводника стакан чая в классическом железном подстаканнике и теперь раскладывала на столике обильный завтрак. Хуже всех, конечно, приходилось Редькину – фольгой шуршали прямо у него над головой. Но Артему его жалко не было, наоборот, он только порадовался такому обстоятельству.

Потянувшись и оглядевшись по сторонам, Артем увидел, что Черниченко тоже уже проснулся, но еще валялся на своей полке и копался в телефоне. А вот Камиль, кажется, еще спал. Во всяком случае, лежал он на своем верхнем боковом, отвернувшись к окну. Часы в телефоне показывали всего восемь утра – несуетная рань для воскресного пробуждения. Но делать было нечего, Артем понимал, что снова уже не заснет. По крайней мере, не под колбасные ароматы.

Спустившись и сходяв умыться, Титов вытащил из своего рюкзака банан и бутылку с питьевым йогуртом и уселся завтракать под спящим Камилем. Хотя, судя по тому, как тот ворочался, спать ему осталось недолго. Еду в поезд собирала, конечно же, мама. Артем даже и не знал, что она положила в контейнеры. К сожалению, обедать явно придется вместе с ней, вероятно, под пристальным вниманием докапывающейся до него сладкой парочки. Не отвертеться! Зато завтрак он с независимым видом упаковал себе сам.

Никита наконец тоже спустился и устроился рядом с недовольным Максом. Пожилая женщина в их купе уже убрала (или съела?) все свои припасы и теперь маленькими глотками прихлебывала горячий чай вприкуску с булочкой. При этом она крайне неодобрительно косилась на экстравагантную прическу Ника, которую вчера, похоже, не успела разглядеть в полумраке. Наконец соседка не выдержала:

– А не рано тебе волосы красить, юноша?

Юноша с синими прядями сразу же понял, что обращаются к нему, не впервой, и поднял глаза от телефона.

– Это редкая врожденная аномалия. Генетическая. – И Ник с умным видом поднял палец.

За последние пару лет цвет его волос постоянно становился предметом обсуждения, поэтому у него было заготовлено несколько вариантов ответов. Ник особенно гордился, когда удавалось сразу правильно оценить спрашивающего и первым же ответом прервать дальнейшие вопросы. В этот раз не повезло. Или Никита ошибся с утра пораньше, или бабуле очень хотелось поговорить. В поезде ведь скучно.

– Да что ты говоришь? – оживилась она. – Аномалия? А мама твоя в курсе?

– И мама, и папа, и школьный врач. У меня и справка есть, хотите, покажу?

Справки у Черниченко, конечно, не было, но она никогда и не требовалась. После упоминания про официальный документ любопытствующие обычно переставали любопытничать. Так получилось и в этот раз. Соседка буркнула что-то себе под нос и отвернулась к окну, всем видом демонстрируя, как ей не повезло с попутчиками.

На самом деле, Ник мог бы и не отвечать, а пропеть пару нот, и назойливая женщина сразу же задремала бы. Или задумалась, глядя в окно. Или внезапно снова проголодалась бы и поспешила к проводнику за очередным стаканом чая. Конечно, воздействие бореада, да еще и птенца, могло сработать только по мелочи. Зато алконосты, тем более взрослые и опытные, и не такое могли внушить. Причем кому угодно, хоть человеку, хоть Полукрылому.

Но это все равно не имело никакого значения, потому что всем птенцам запрещалось выпевать в присутствии людей. Конечно, иногда подростки все-таки нарушали это правило, но не стоило и пытаться делать это сейчас, под бдительным надзором двух взрослых.

В памяти Артема всплыл давнишний разговор с мамой.

– Ну и к-какой смысл иметь суперсилу, – ворчал он недовольно, узнав про этот запрет года полтора назад, – если в-все равно н-нельзя н-ничего делать?

– Вот потому и нельзя, что очень хочется, – улыбалась в ответ Милена Игоревна. – Способности новые, заманчивые. Дух захватывает от открывающихся перспектив, а ответственности никакой.

– И что теперь, это н-навсегда?

– Нет, это правило только к птенцам относится. А вот когда сможешь спеть свою Лучезарную Песнь, то будешь считаться взрослым по нашим меркам.

– Что еще за П-песнь такая, еще и Л-лучезарная? – прищурился Артем. – Звучит, как н-название фэнтези про эльфов.

Мама засмеялась.

– Это высшее умение Полукрылого, Тем. Можно сказать, концентрация всех его сил. Вот, например, я, как каладрий, могу своей Лучезарной Песней вылечить практически что угодно. Ну точнее, могла бы. Если бы сил хватило. Вам в лицее подробнее объяснят.

– Н-ну ладно. А если... – Артем задумался. – ...если я все-таки н-не послушаюсь и н-нарушу это важное п-правило? Что м-мне тогда сделают? Ну, если узнают, конечно. Отправят в Азкабан?

– Нет, сын, специальной тюрьмы для Крылатых не существует. Если ты будешь постоянно нарушать это правило, то я вынуждена буду отвезти тебя к одному из алконостов городского слета, и он пропоет тебе запрет. Так же, как в тот раз... но теперь пожизненно.

Когда у Артема проявились способности, мама на следующий же вечер, несмотря на противную погоду, повезла его на другой конец города к Алевтине Степановне. Сухонькая старушка пригласила их к столу и, дрожащей рукой разливая заварку по изящным старомодным чашкам, стала напевать странную мелодию без слов. Она казалась очень знакомой, но позже мальчик не смог вспомнить ни звука. Было уже поздно, Артем устал, а от горячего чая и вовсе разомлел и, кажется, даже ненадолго задремал, привалившись к маминому боку.

Потом, когда Титов побольше узнал про Полукрылых, мама объяснила ему, что всех вылупившихся птенцов как можно скорее показывают опытному алконосту. Он поет им запрет, после которого невозможно никому из людей рассказать о существовании Крылатых, ни устно, ни письменно. Артем, конечно, сначала не поверил, что такое возможно. Да ну, бред какой-то. Как это вообще работает? Гипноз, что ли? Он пытался потом много раз, пробовал и одними словами, и другими, но так и не смог даже произнести «Полукрылый» в присутствии кого-то неосведомленного. Зато в лицее, с другими Крылатыми, с этим никаких проблем не возникло. Совершенно непонятно, каким образом работал этот запрет. Как, например, он определял, Полукрылый перед тобой или нет?

Одним словом, никто из птенцов не собирался нарушать правила прямо под носом у учителей. Поэтому Черниченко и приходилось изобретать разные ответы на вопросы про цвет его волос.

Время перевалило за полдень, когда Артем решил немного пройтись по вагону, чтобы размяться. После завтрака он практически сразу залез обратно на свою полку и все это время то читал, то дремал. От постоянного напряжения глаз начала побаливать голова, но спрашивать, нет ли у мамы или у кого-то из одноклассников таблетки, ему не хотелось. Тем более, что они и сами его игнорировали – как обычно.

Спустившись на пол, Артем выбрал направление против движения поезда и двинулся к концу вагона. В тамбуре оказалось свежо, оба окна, находившиеся друг напротив друга, были

чуть приоткрыты. Он постоял немного, прислонившись лбом к холодному стеклу. Бесконечные деревья, деревья, забор, деревья, линия электропередач, снова деревья... Артем перебрался в соседний вагон и со скучающим видом прошел его насквозь, а потом вернулся обратно. Исключительно, чтобы убить время. Но когда он снова оказался в тамбуре, там уже было занято. На том же самом месте, где он стоял несколько минут назад, лбом к стеклу прижималась Вихрева. Неизменная черная кожанка осталась на ее спальном месте, и было немного непривычно видеть ее в спортивном черном топе, обтягивающем плечи и грудь и обнажающем полоску загорелой кожи на животе. Артем поспешно отвел глаза.

– П-привет! – неловко произнес он, вспоминая, что с того момента, как их класс вчера погрузился в поезд, они с Эллой не обменялись, кажется, ни единым словом.

Одноклассница покосилась на него и молча кивнула. Затем отвернулась обратно к окну и поинтересовалась:

– Что читаешь?

Титов и забыл, что зачем-то захватил с собой книгу. На самом деле это было довольно глупо, все равно нигде, кроме своего собственного места, в поезде не присесть, а стоя долго перелистывать страницы неудобно.

– «З-занимательную физику» П-перельмана. Т-там про всякие опыты п-прикольные, п-парадоксы научные и все такое.

– М-м-м, – протянула Вихрева, и по ее тону стало понятно, что она-то книжки про физические опыты никогда в жизни добровольно читать не станет.

Артему внезапно стало обидно за любимый предмет, и он сбивчиво заговорил:

– Я н-недавно возвращался в лицей и недалеко от пешеходного п-перехода, на пересечении улицы Б-бахтурова и п-проспекта Канатчиков, увидел бабушку. Она с-стояла рядом с шатким раскладным столом и п-продавала какие-то книги. П-подошел п-поближе, а там старые учебники – по м-математике, геометрии и ф-физике. Спросил ее, откуда столько...

Эл снова покосилась на него, на этот раз с удивлением.

– А она чего?

– С-сказала, что всю жизнь работала п-преподавателем высшей м-математики – по первому диплому, а по второму – специалист п-по ядерной ф-физике. А тут уволили, но выживать-то н-нужно, вот и распродает имущество. Н-ну я и купил П-перельмана. Денег у м-меня не было с собой т-толком, н-но она за сотню отдала.

– Ясно. Толку-то ей от твоей сотки, – фыркнула Вихрева. – Тоже мне помощничек. Но вообще да, грустная история. Так вот пашешь, стараешься, а кому это в конце нужно? Никому! С моей мамой точно так же все вышло.

Она резко замолчала, заморгав, и снова отвернулась к окну. Артем тоже молчал, неловко переминаясь с ноги на ногу. А про себя удивлялся тому выводу, который Вихрева сделала из его рассказа. Он вообще-то имел в виду совершенно другое. Что физика – она на все времена. Некоторые вон всю жизнь ей посвящают! И пятьдесят лет назад интересна была, а сейчас вообще столько новых исследований и открытий! Но, как видно, верно говорят, у кого что болит, тот о том и говорит...

А Элла тем временем совладала с непрошеными слезами и продолжила глухим голосом:

– Маму увезли на скорой в больницу, а меньше, чем через месяц, отчиму позвонили и сообщили, что нам нужно ее забрать. Порекомендовали даже список частных клиник, куда можно обратиться. А то у них мест для больных не хватает, а у нее, видите ли, «состояние стабильное». Махнули на нее рукой, понимаешь? Мы всех знакомых обзвонили, коллег с ее работы. Пытались найти врачей, которые готовы взяться за подобный случай. Все нам очень сочувствовали, но разводили руками. Если врачи говорят, что надежды нет, то чего душу рвать... Только потом я догадалась отцу сообщить.

– Что-то я з-запутался, – неуверенно проговорил Артем. – Т-так у т-тебя отчим или отец?

– И тот, и другой. С отцом мама давно развелась, потом снова замуж вышла. Сергей, он хороший, но о Крылатых нифига не знает.

– А твой отец, н-ну тот, который Полукрылый, он не м-может помочь с л-лечением?

– Сам он ятагарасу, – Элла махнула рукой. – Они не по этой части вообще. А знакомых каладриев у него нет. Во всяком случае, настолько хорошо знакомых, чтобы были готовы эЛПэ его бывшей жене спеть. Он предложил, конечно, один вариант... Все лучше, чем ничего.

– эЛПэ? – непонимающе переспросил Артем.

– Ну Лучезарную Песнь. Ты же в курсе, что это?

– А, з-знаю, конечно.

– Я бы все на свете отдала, чтобы мама пришла в себя. Но я ничего не могу сделать. Мне даже с птицей не повезло. Досталась эта... Бесполезная. Мерзкая. Тварь.

Ей явно было просто необходимо выговориться. Слова падали тяжело и горько. И при каждом она билась лбом об стекло, несильно, но ощутимо, отчего Артем вздрагивал. А еще он перебирал в голове детали ее рассказа и эгоистично размышлял, можно ли их с Вихревой теперь считать друзьями, если он знает ее тайну, и она уже второй раз жалуется ему на жизнь.

Немного успокоившись, Эл повернулась к нему лицом, оперлась спиной на дверь и поменяла тему.

– А ты какую птицу хотел бы, если б можно было выбирать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.